

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 64-й

#1581

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**100 ЛЕТ РОССИЙСКОМУ
СКАУТСКОМУ ДВИЖЕНИЮ**

№6
2009

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкирёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом: Possev, Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-7355; fax 34-3841. http://www.posev.de E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректор *А.М. Самойлова*

Вёрстка *М.Ю. Родионов*

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 6 (1581) июнь 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРВЬЮ	
О новой Комиссии при президенте Российской Федерации	3
Надгробия поставлены	4
Святослав Иванов. Реконструкция нации ...	4
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Иоахим Диц.	
Хождение по мукам демократии	7
Сергей Маркедонов.	
Россия в Абхазии и в Южной Осетии: новая повестка дня	9
ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
Владимир Махнач.	
Имперская традиция в России	12
МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
Александр Рудницкий.	
Праздник со слезами на глазах	20
Андрей Пуговкин. Катынский Колокол ...	23
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
Игорь Ушаков. К 90-летию со дня гибели генерала М.Г. Дроздовского	27
ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ	
Святослав Иванов. Формула русской истории, или, Нужна ли нам бедная демократия?	28
КНИГИ И ЛЮДИ	
Борис Соколов. Маршал Пилсудский – политик и полководец	31
Валентин Оскоцкий. И снова о мудром, родном и любимом	34
НТС	
Ростислав Полчанинов.	
В.М. Байдалаков в Сараеве	42
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
Ростислав Полчанинов.	
«...рожденная несправедливостью»	45
Елена Беккер. «Показуха»	45
Наталья Носкова. Север Урала – это могила, братская, для раскулаченного крестьянства	46
Георгий Вербицкий. Главному редактору газеты «Аргументы и факты»	47

«Указ Президента Российской Федерации о Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

«В целях обеспечения согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, направленной на противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, постановляю:

1. Образовать Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

2. Утвердить прилагаемые:

Положение о Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России; состав Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации Д. МЕДВЕДЕВ

Москва, Кремль, 15 мая 2009 года, № 549»

Состав Комиссии:

Нарышкин С.Е. – Руководитель Администрации Президента Российской Федерации (председатель Комиссии), Калина И.И. – заместитель Министра образования и науки Российской Федерации (заместитель председателя Комиссии), Сирош И.И. – помощник Руководителя Администрации Президента Российской Федерации (заместитель председателя Комиссии), Демидов И.И. – начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике (ответственный секретарь Комиссии), Алханов А.Д. – заместитель Министра юстиции Российской Федерации, Бусыгин А.Е. – заместитель Министра культуры Российской Федерации, Бутко Е.Я. – заместитель руководителя Рособразования, Винокуров С.Ю. – начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами, Дергачев В.В. – заместитель директора ФСТЭК России, ответственный секретарь Межведомственной комиссии по защите государственной тайны, Затулин К.Ф. – первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками (по согласованию), Зимков В.А. – начальник службы СВР России, Камболов М.А. – заместитель руководителя Роснауки, Козлов В.П. – руководитель Росархива, Макаров Н.Е. – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первый заместитель Министра обороны Российской Федерации, Марков С.А. – заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций (по согласованию), Назаренко В.П. – заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по внешней политике, Нарочницкая Н.А. – президент Фонда изучения исторической перспективы (по согласованию), Повалко А.Б. – заместитель руководителя Росмолодежи, Романченко А.Ю. – заместитель руководителя Роспечати, Сахаров А.Н. – директор Института российской истории Российской академии наук (по согласованию), Сванидзе Н.К. – председатель Комиссии по межнациональным отношениям и свободе совести Общественной палаты Российской Федерации (по согласованию), Соболев В.А. – заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, Титов В.Г. – заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации, Торшин А.П. – первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию), Христофоров В.С. – начальник управления ФСБ России, Чубарьян А.О. – директор Института всеобщей истории Российской академии наук (по согласованию), Шабанов Я.В. – начальник Референтуры Президента Российской Федерации, Шипов С.В. – директор департамента Минрегионразвития России.

«Новая газета»: «Одна из задач комиссии, как записано в «Положении», – обобщение и анализ всех фактов фальсификации и соответствующие доклады президенту. Но докладами дело не ограничивается. Дальше – «подготовка предложений по осуществлению мер» и «рекомендации по адекватному реагированию». Может быть, мы дуем на воду, но что поделаешь – пуганые, здесь уже мерещится 58-я статья».

Владимир Войнович: «Идея эта тоталитарная и неуместная... При этом вся история советского периода, начиная с залпа «Авроры», к сегодняшнему дню уже фальсифицирована... Комиссия ставит себе целью управлять историей, а история неуправляема. История нашего государства трагична, полна преступлений и попытки улучшить ее бессмысленны».

Людмила Алексеева: «Я поступала на факультет истории МГУ, потому что историком хотела быть всегда. Лет в 10 сказала, что буду историком, и отец стал носить мне исторические книжки. После второго курса университета стала думать, на какую мне идти кафедру. А кафедры были одна хлеще другой: истории партии, истории СССР, новейшей истории. Я хотела быть историком, а не пропагандистом, не шестеркой. Решила, что пойду в археологию: черепки, останки, что нашел, то описал. Но оказалось, что и там надо было доказывать, что Россия – родина слонов... Я оптимистически смотрю в будущее: через одно поколение мы будем и демократической страной, и правовым государством».

О новой Комиссии при президенте Российской Федерации

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Продираясь через толщу грамматических согласований в названии новообразованной структуры («Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»), можно предположить, что речь идет о следующем: некие силы предпринимают попытки фальсифицировать историю; эти попытки наносят ущерб интересам России; Комиссия создана, дабы означенным попыткам противодействовать. Государственная важность этой Комиссии подчеркивается ее составом – тут и ФСБ, и Служба внешней разведки, и Совет безопасности, и МИД с Минюстом, и даже начальник Генерального штаба Российской армии; а председателем назначен глава президентской администрации Сергей Нарышкин. При этом историков-профессионалов среди 28 чиновных членов комиссии можно пересчитать по пальцам одной руки. И это не случайно.

Вообще-то любые исторические фальсификации, чьей бы национальной истории они ни касались и в какую бы сторону ни были направлены, наносят ущерб всему человечеству – гражданам Франции и Польши, США и Финляндии, России и любой другой страны. Попытка выделить среди этих фальсификаций особую категорию подделок, «наносщих ущерб интересам России», кажется нам, мягко говоря, странной. Но не в этом только дело.

Сегодняшние попытки фальсифицировать отечественную историю, действительно, нередки. Продолжают тиражироваться сталинистские фальсификации о «пятой колонне» и «военно-фашистском заговоре» в 1937-м. По всей стране распространяются книги, где, вопреки общеизвестным фактам, доказывается непричастность НКВД к «катынскому делу» – расстрелу военнопленных поляков в 1940 г. Некоторые из современных российских политических деятелей, не обращая внимания на давно опубликованные документы, преуменьшают или, хуже того, оправдывают государственный террор сталинской эпохи. Подобные тенденции прослеживаются ныне даже в учебных пособиях для средней школы.

Наносят ли подобные грубые исторические фальсификации ущерб России? Несомненно, наносят. Они лишают народ Российской Федерации его уникального и трагического прошлого, подрывают основы национальной идентичности, уничтожают связь между поколениями, размывают нравственные ориентиры молодежи, вызывают трения и конфликты в отношениях с соседними народами, подрывают уважение к России за рубежом.

Мы не сторонники решения проблемы фальсификаций истории путем законодательных запретов. Мы полагаем, что с фальсификациями следует бороться, прежде всего, в рамках открытых и свободных научных дискуссий (в том числе, и международных); при этом все спорящие стороны должны иметь возможность довести свои аргументы до широкой общественности. Общество может и вправе столь же свободно и открыто дискутировать об осмыслении и оценке исторических фактов, как известных, так и вновь открывающихся, об их возможных трактовках. Государство же должно лишь обеспечивать возможность таких дискуссий широким и быстрым рассекречиванием массивов исторических материалов, облегчением доступа к исторической документации, субсидированием архивов, исторических исследований и публикаций – и ни в коем случае не вмешиваться в их содержание. Обеспечение свободного доступа к историческим источникам, их широкая публикация – это лучший способ противодействия фальсификаторам. И никаких специальных новых комиссий для этого вовсе не нужно: достаточно активизировать и сделать эффективной работу Комиссии, занимающуюся рассекречиванием государственных архивов, во главе которой стоит, между прочим, все тот же Сергей Нарышкин. В частности, например, пересмотреть решение о засекречивании результатов расследования Главной военной прокуратурой РФ «катынского дела».

Но не будем тешить себя иллюзиями: скорее всего Комиссия будет противодействовать не фальсификациям исторических фактов, а мнениям, оценкам и концепциям; разумеется, лишь тем из них, которые идут вразрез с правительственной политикой в области национальной памяти. Именно эти оценки и концепции будут объявлены «наносщими ущерб интересам России»; именно они станут объектом государственного «противодействия». Как такое противодействие будет осуществляться, нетрудно себе представить, исходя из богатого отечественного опыта «борьбы с фальсификаторами истории».

Если наши опасения подтвердятся, то подобную комиссию надо будет рассматривать не только как контрпродуктивную, но и как антиконституционную, ибо подобное «противодействие» вводит в государственную практику элементы государственной идеологии – а это прямо запрещено ст.13 Конституции Российской Федерации.

*Международное общество «Мемориал»
Москва, 22 мая 2009 г.*

Надгробия поставлены*

25 мая Православное информационное агентство «Русская линия» сообщило:

«Вчера произошло поистине знаменательное событие. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил в Донском монастыре мемориал на месте, где нашли свое упокоение Георгиевские кавалеры Генерального штаба генерал-лейтенанты В.О. Каппель и А.И. Деникин, русский философ И.А. Ильин, а также надгробие известного русского писателя И.С. Шмелева. Затем Донской монастырь посетил премьер-министр Владимир Путин, который возложил цветы к могилам этих выдающихся русских людей. Таким образом, мы можем смело сказать, что священноначалие Русской Православной Церкви и светская власть официально, на государственном уровне, признали заслуги вождей Белого движения, носителей Белой идеи», – сказал в интервью «Русской линии» руководитель РЛ и проекта «Белые воины», инициатор экспедиции по обретению и перезахоронению останков генерала В.О. Каппеля Александр Алекаев.

«Российская власть в лице Владимира Путина лично курировала работы по возведению мемориала, а от Русской Православной Церкви работы возглавлял наместник Сретенского монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов). Поэтому все было сделано быстро и достойно. Еще только 6 мая состоялось рабочее совещание под руководством министра культуры Александра Авдеева, а уже 24 мая монумент был открыт. [...]

«На мой взгляд, композиция получилась очень символичной и гармоничной. Если посмотреть на кресты, которые проходят через две плоские глыбы, как бы пронзая их, то на кресте над могилой И.А. Ильина мы видим Распятие, а на надгробном

кресте генерала А.И. Деникина – терновый венец – символ Первого Кубанского (Ледяного) похода. Терновый венец – символ Сибирского Ледяного похода – помещен и на надгробии генерала В.О. Каппеля. Голгофа в центре удерживает, как бы связывая в единое целое, философию русской имперской государственности Ильина с жертвенным подвигом белых воинов Каппеля и Деникина», – заключил руководитель проекта «Белые воины».

Как сообщает Патриархия.ru, в день своего тезоименитства Святейший Патриарх Кирилл освятил надгробия полководцу А.И. Деникину, философу И.А. Ильину и писателю И.С. Шмелеву. Предстоятель Русской Церкви совершил литию по этим выдающимся деятелям русской истории и культуры и по захороненному здесь же А.И. Солженицыну. На освящении присутствовали епископ Подольский Тихон, наместник Сретенского монастыря архимандрит Тихон и настоятель Донского монастыря архимандрит Агафодор.

По окончании чинопоследования Святейший Патриарх поблагодарил строителей памятников за прекрасную работу и, в частности, сказал: «Замечательно, что сегодня достойно украшены монументами гробы людей, внесших такой огромный вклад в историю нашего Отечества, через соприкосновение с которыми люди учились правде и мудрости жизни. Замечательно, что над их гробами стоят прекрасные монументы, надгробия, изображения Креста Господня в назидание нашим современникам. Пусть эти могилы также учат людей, как учило их пронзительное слово тех, кто покоится в этих могилах. Царствие Небесное и вечный покой усопшим рабам Божиим». [...]

Святослав Иванов

Реконструкция нации

Шестого мая 2009 года в зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета состоялась презентация книги «Две России XX века. Обзор истории 1917–1993» с участием руководителя авторского коллектива, директора издательства «Посев» Бориса Пушкарёва и главного редактора журнала «Посев» Юрия Цурганова.

На встречу пришёл, можно сказать, весь цвет исторического факультета ВГУ (присутствовало около 40 человек – от студентов до профессоров), а также ряд представителей общест-

венных организаций Воронежа. Открывая её, директор библиотеки, кандидат исторических наук, доцент истфака Аркадий Минаков подчеркнул, что такого рода издания, как «Две России», сегодня очень нужны и чрезвычайно полезны. Без той точки зрения на историю страны, которая сложилась, в основном,

* Заголовок редакции.

в эмиграции, нельзя создать адекватную историю России XX века.

Затем слово взял Борис Пушкарёв и вначале пояснил принципиальную новизну представляемой им книги. Традиционно учебник по истории России XX века писался как история советского государства. Но понять эту историю нельзя до конца, если не знать, что в это время делало антисоветское, антикоммунистическое сопротивление. Далее Борис Сергеевич вкратце перечислил принципиальные моменты, которые особо оговорены в книге «Две России» и которые собственно и делают её эксклюзивной.

Первый момент. Гражданской войны после октябрьского переворота русский народ не хотел. С Корниловым ушло всего лишь четыре тысячи человек. Что же явилось причиной страшной междоусобицы? Приказ Троцкого от 25 мая в отношении чехословацкого корпуса о том, что любой чех, обнаруженный с оружием в руках, будет расстрелян. И действия того же Троцкого в отношении казаков. Расказачивание создало социальную базу антибольшевистскому сопротивлению. Затем случились Ярославское и Ижевское восстания, в борьбу против коммунистов вступили сами Советы. То есть, началось именно народное сопротивление новой власти.

Второй момент. Многие историки уравнивают белый и красный террор. Считают, что они нравственно равнозначны. Но что такое террор? Это групповое уничтожение гражданских лиц, не причастных к уголовным деяниям, ради политического эффекта. Но белые вешали комиссаров и чекистов и некоторых офицеров за воинские преступления. Ленин же открыто призывал уничтожать целые сословия. Особенно пострадали казаки и священники. В общей сложности от красного террора погибло около 2 млн. человек, тогда как от белого 10–20 тысяч.

Следующий момент касается Сталина. До сих пор раздаются славословия ему как «эффективному менеджеру». Речь идёт о преодолении так называемой «вековой отсталости», которую мы, на самом деле, преодолеваем до сей поры. Так вот, при думской монархии ВВП страны рос на 9 процентов в год и к 1941 году он бы вырос в четыре раза в сравнении с дореволюционным периодом. А на самом деле, ВВП СССР сравнялся с ВВП царской России к 1928 году, а к 1941-му только удвоился. При этом, во время коллективизации, по сути, началась вторая гражданская война. Если в 1928 году было убито 700 коммунистов, то в 1929 уже 3000. Сопротивление подавили путём организации искусственного голода. Вот почему Великая Отечественная война была и третьей гражданской. И не случайно генерал Власов по происхождению крестьянский сын. И именно крестьяне сдали его немцам, уже как советского генерала. В войне советские историки стыдливо опускают за-

хватнический элемент, сговор Сталина с Гитлером. (Договор назывался «О дружбе и границе»). Но поднимите газеты 1939 года и вы прочитаете, что речь шла тогда именно о польском фронте и не иначе. Международная экспансия советского государства продолжилась после Второй мировой войны. Советский Союз контролировал 30 стран и 34 процента населения планеты. Поэтому не случайно весь остальной мир боялся советской угрозы. Для нашего народа это было не бесплатное «удовольствие». «Братская помощь» ложилась бременем на плечи простых граждан. Мы только во времена Горбачёва ушли из Восточной Европы.

Отдельно Борис Пушкарёв остановился на трёх демографических катастрофах России. Гражданская война унесла 12 млн. наших соотечественников, причём непосредственно на войне погибло 400 тысяч белых и красных. Коллективизация стоила стране 13 млн. жизней. И во Второй мировой войне погибло 27 млн.

Ещё один момент из книги «Две России» касается уже постсоветского времени. Пушкарёв подверг сомнению уровень падения промышленного производства в 90-е годы. Есть основание считать, что сильнее рухнула система советской статистики. А если посчитать уровень потребления электроэнергии в те годы, когда она худо-бедно но всё же учитывалась, то картина выйдет не столь безрадостная, какой её обычно представляют.

Юрий Цурганов к сказанному добавил, что СССР в первые двадцать два месяца Второй мировой войны воевал в одном блоке с Германией. И не случайно договор назывался «о дружбе», а о польском фронте «Известия» 17 сентября 1939 года.

Затем началось обсуждение. Доцент истфака ВГУ Александр Макушин выразил сомнение в том, что так называемое освободительное движение разрушило Советскую империю. Он полагает, что сама советская власть внутренне переродилась и поэтому коммунизм пал. А на момент падения сопротивление режиму было слабым, не имело того калибра, которым обладало ранее.

Владимир Рылов, к.и.н. согласился с Борисом Пушкарёвым, что на самом деле можно говорить только о красном терроре во время гражданской войны. Больше того, надо говорить о геноциде, осуществлявшемся большевиками в отношении народов Российской империи.

По сути, с развёрнутой рецензией на книгу выступил профессор истфака ВГУ Леонид Искра. Чтобы подчеркнуть важность появления книги «Две России», вначале он заметил, что до сих пор не существует настоящей историографии России XX века. «Мы по сей день до конца не понимаем, что же произошло на самом деле с нашей страной в прошлом веке». Мешает не только идеология, но и тот факт, что очень много источников закрыто.

06/2009

А самое печальное, что нет и лидера в сегодняшней историографии, того, кто бы задал некий вектор развития. А те, кто претендует на это, в лучшем случае остаются фактографами, и не более того. Вот почему студенты хуже всего знают историю страны советского периода.

Леонид Михайлович Искра согласился с Борисом Пушкарёвым, что дореволюционная Россия по темпам экономического роста превосходила США. И нет никакого сомнения, что уж уровень Советского Союза страна в своём развитии достигла бы безусловно. Профессор подчеркнул, что, избежав потрясений во время освобождения крестьян в 1861 году (такая же реформа в США обернулась гражданской войной), Россия имела все шансы закончить успешно начатую модернизацию. Столыпин предложил реальную программу решения проблем стоящих перед страной. Но в это время нужна была твёрдая власть и ответственная элита. Ни того, ни другого у России не было. Искра напомнил горькое признание Петра Струве, сделанное им после революции: «Единственное в чём виноват Николай II, что не повесил таких людей как я». Профессор в своих оценках октябрьского переворота соглашается с известным историком и литературоведом Вадимом Кожиновым – «власть падала и большевики её подобрали» Они не сразу, по мнению профессора, установили авторитарный режим, а лишь в ответ на полную неуправляемость со стороны, в том числе тех же Советов. (С этим утверждением навряд ли можно согласиться, если вспомнить, что на следующий день после октябрьского переворота большевики наложили запрет на выход всех крупнейших газет страны. И для сравнения. Лидер кадетов Павел Милюков из Временного правительства не только не запретил ленинскую пропаганду, но и лично распорядился послать Троцкому визу на въезд в Россию. – С.И.)

А главной ошибкой Белого движения, считает Искра, было провозглашение непредрешенчества в отношении будущего России. Врангель, правда, определился, но уже было поздно. Профессор заметил так же, что помощь Антанты белые распылили и использовали неразумно. Что касается красного террора, то он действительно носил системный характер. Со стороны белых в большой степени это была месть.

О Сталине. Искра напомнил слова Кожинова о том, что культ его создают как противники, так и сторонники. Сталина не понять, если не иметь в виду, что тогдашнее время было пропитано насилием. Если советский сказочник, милашка Корней Чуковский предлагал на полном серьёзе «социально опасных детей», (то есть, нерадивых школьников, хулиганов), изолировать в специальных лагерях, то, что уж говорить об остальных. Зачастую, по мнению профессора, окружение Сталина было настроено гораздо жёстче и го-

тово было к гораздо более жестоким решениям, чем сам «вождь». По мнению профессора, так называемая оттепель началась при Сталине, когда появились произведения Гроссмана и Казакевича. А Хрущёв наоборот начал гонения на Церковь, стал инициатором новой волны революционаризма.

В оценках эпохи Брежнева профессор согласился с авторами книги. Никакого застоя не было. О Власове Леонид Искра высказался определённо. Власов дал индульгенцию слабым духом. Он создал для них иллюзию, что они будут сражаться не против России, а против Сталина. Но чтоб добраться до глотки Сталина, надо было перебить миллионы русских солдат.

Отвечая на вопросы, Борис Пушкарёв сказал, что отнюдь не считает советскую эпоху целиком бесплодной и непродуктивной. А что касается будущего, то он полагает, что коммунизмом русский народ переболел, возможно, не очень сознательно, но переболел. Конечно, изживать наследие 70-летнего периода советских лет мы будем долго. Социальные процессы идут медленно. Но Пушкарёв уверен, что эпоха тотального невезения для России закончилась.

В свою очередь Юрий Цурганов обратил внимания на тот факт, что в 1991 году была одержана коллективная победа над коммунизмом. А в 2000-е годы эту победу стали трактовать как поражение. И до тех пор, пока такая трактовка преобладает в массовом сознании, мы будем цепляться за советское прошлое, а Сталин будет занимать третье место среди героев России.

Более двух часов шла презентация книги. Шёл заинтересованный увлекательный разговор о ней, которая впервые рассматривает, наряду с историей советской власти, и историю антисоветского сопротивления. В заключение Борис Пушкарёв сказал, что по итогам обсуждения скорее вдохновлён присутствием единомышленников, чем наличием оппонентов.

Подводя итоги встречи, хозяин библиотеки Аркадий Минаков констатировал, что состоялся полезный, продуктивный разговор. Чрезвычайно важный для воссоздания единой, целостной истории России. Пока мы не преодолели «красное смещение» и наши улицы носят имена царевичей и террористов, мы не можем в полной мере овладеть истиной, не можем полнокровно развиваться. Ведь исторические взгляды по-прежнему политически структурируют наше общество. Две исторические правды – белая и красная – непримиримы. До сих пор, однако, спустя более, чем полтора десятилетия после краха СССР, политическая история страны в XX веке пишется у нас, в основном, по лекалам советских учебников. Шаги к цельной, единой истории – это шаги к целостности русской жизни, шаги в направлении реконструкции единой нации.

Иоахим Диц

Хождение по мукам демократии

Возникновение доктрины «суверенная демократия» в России еще раз вызвало дискуссию о способности россиян построить истинно демократическую систему на всех уровнях жизни государства и общества. Со стороны критиков современной российской государственности, которые определяют ее термином «демократуры»¹ или «управляемой демократии»² Россия нашего времени вообще не стремится к демократии. Наоборот, получается странный гибрид, в котором взаимодействуют внешние формы демократии (сильно подчеркнутая роль конституции, выборная система, разные по своей политической программе партии, большой выбор центральных и региональных СМИ) и реальные факты авторитаризма (натиск на прессу, неформальный контроль телевидения, судебная или насильственная ликвидация политических противников, вызывающая коррупционность власти и чиновничества).

С другой стороны выступают критики «западной» концепции. Подчеркивается стремление «западных либералов» и «мондиалистов» монополизировать идею демократии и отождествлять этот термин только с евроамериканской моделью политической системы. Термин «суверенной демократии», предлагаемый Владиславом Сурковым находится в той же цепи. Но суть идеи «суверенной демократии» все-таки остается не очень ясной и кажется, что большинство сводит ее, скорее к противопоставлению международному обмену идеями («мы сами знаем, что такое демократия и нас нечего поучать»). Так и на самом деле ее понимает автор термина.³ Иначе говоря, это понятие ничего не объясняет, не подсказывает в чем лежит своеобразие российской системы: Сурков определяет не демократию, а суверенитет народа.

Намного яснее суверенную демократию объясняют идеологи движения «Наши»: «Либералы готовы пожертвовать независимостью страны ради личной свободы человека. Коммунисты и фашисты готовы пожертвовать личными свободами граждан ради достижения величия государства. Для нас две стороны свободы неразделимы. Человек не может быть свободным, если его страна угнетена. Страна не может быть свободной, пока угнетены ее граждане. Личная свобода и национальный суверенитет – две стороны одной медали. Поэтому для нас сильное независимое российское государство – такое же условие свободы, как демократия и рыночная экономика. Россия есть и будет суверенной демократией».⁴ В таком определении получается понимание суверенной демократии как равновесия между интересами государства и свободой человека.

Дело, однако, не в научном статусе мало значительной с точки зрения массовой популярности идеи, а в во-

просе условий и обстоятельств, в которых пришлось строить современную российскую государственность. Нынешние слабости российской демократии обусловлены рядом факторов, которых политические комментаторы и критики чаще всего не касаются. Забывая о том, что демократия, и в греческом, и римском, и англосаксонском вариантах является результатом длительного процесса и благоприятных условий. Именно их цепь позволила ей возникнуть и действовать.

Причины несовершенства имплементации демократии в смысле «реальной власти большинства, выраженной в ситуации абсолютно свободного выбора и свободы обмена информацией» на территории России можно свести к трем главным категориям факторов.

Первая категория охватывает культурно-исторические условия, сложившиеся в течение нескольких столетий формирования российской государственности.

Еще при советской власти в столкновении с антикоммунистическими традиционалистами А.И. Солженицыным или И.Р. Шафаревичем академик и правозащитник Андрей Сахаров подчеркивал, что марксистская утопия не одна несет ответственность за сталинские преступления. Столетия московского деспотизма, включающего уничтожение демократических республик севера Иваном Великим и бешеная жестокость Грозного с его опричниной – стоящей над законом и являющей государственный кнут – исторически обуславливают традицию отсутствия демократии в России. Николай Карамзин в его *Истории государства Российского*, даже не вспоминая о *Марфе посаднице*, строит историческое обоснование царского абсолютизма. Славянофилы вроде Константина Аксакова предпочитают принцип единомыслия и не могут примириться с образом матушки-России управляемой каким-то большинством. Апофеоз единовластиа мы находим у Погодина, и обер-прокурора Святейшего Синода, Константина Победоносцева в его блестящем эссе *Великая ложь нашего времени* где он показывает «угрозу натиска так называемого «общественного мнения», партийности или представительской власти, которая на самом деле никого не представляет».⁵ Строители коммунизма, претендовали на позицию так называемой «народной демократии» или «социалистической демократии», но были на самом деле ее деконструкцией. Обязанной своим возникновением реинтерпретации марксистской утопии в условиях политической культуры реального самодержавия. Оказалось, что вопреки ожиданиям левой интеллигенции, послереволюционные десятилетия никак не способствовали развитию демократического общества.

Никого не должно особенно удивлять, что при такой обстановке «ордынские корни», подчеркнутые Ю. Афанасьевым⁶ оказались более жизнеспособными, чем европейские начала. Засеянное, еще

* Иоахим Диц – доктор политологии, Профессор Ягеллонского Университета, Краков, Польша.

при Юрике и Владимире Великом, потом перебивающееся через глыбы степной почвы в разные времена, и достигшее своего расцвета в петровский период. **Всё время возрастающая** Вера в божественное значение Первого Лица не потухала.

Отсутствие демократических тенденций в историческом воспитании можно без всяких трудностей объяснять также идеологическими причинами, накопленными в истории народа и интерпретируемыми как средство идентификации. Еще в средние века, несмотря на относительную терпимость населения, мир был разделен на сферу «своих» и «чужих». Чужой была не только Чудь, но уже со времен Александра Невского, выбравшего монгольскую опцию, вражеским стал сперва «латинский», а потом уже «гнилой» Запад. А ведь демократия (после уничтожения господина Новгорода Великого государем Всея Руси) ассоциировалась именно с этим направлением. В 90-е годы прошлого века, для многих граждан пострадавших в период демократизации именно «демократия» стала виновницей крушения привычного мира. Реформаторы казались импортным отравленным яблоком. Ещё более укреплялась уверенность, что демократия не свойственна российской культуре. Такая позиция пользовалась особенной популярностью, в том числе и в силовых структурах, которые продолжали оказывать значительную поддержку антидемократическим идеологиям и организациям, исповедующим неоевразийство.

Второй причиной неудачной демократизации России можно назвать политику центральных, региональных и локальных властей. Она имела разную мотивацию. Совершенно естественное стремление сохранить власть в собственных руках, борьба за свои частные интересы (особенно в локальном плане), стремление к стабильности политической системы государства. Натиск со стороны мегакорпораций и других групп с силовыми структурами во главе, оказывал сильнейшее давление на формирование общественного мнения в стране, а в некоторых случаях даже за рубежом. В результате таких обстоятельств администрация не может устоять против соблазна пользоваться недемократическими средствами. Именно таким образом ведется борьба с оппозицией. Предприятия, финансирующие оппозиционные партии подвергается особому контролю. Разрешение на демонстрацию организации получают от городских властей по неопределённым критериям, всё это нельзя считать примером общества развитой демократии. Тенденция ограничивать и тормозить реальную оппозицию ведет к натуральной осторожности потенциальных оппозиционных деятелей, которые в таких обстоятельствах предпочитают неформальные и отрицательные способы выражения своих политических убеждений.

Кремлевский лагерь, политически выраженный в формуле партии Единая Россия все-таки допускает некоторые формы диалога, искусно включая часть оппозиции или потенциальной оппозиции в сферу своих непосредственных влияний. Реальная система власти приобретает характер монополии находя-

щейся в процессе внутренней диалектики элиты, которая, однако, принадлежит, как английская аристократия, к системам относительно открытым.

То, что в динамике власти Российской Федерации надо обязательно подчеркнуть – это борьба с затаивающейся угрозой экстремизма, который приобретает или сепаратистский или националистический (в крайних случаях даже фашистский) характер. Пытаясь сохранить интегральный характер государства, лагерь власти с одной стороны неразборчив в средствах устранения центробежных тенденций, а с другой, старается соблазнить умеренную часть националистического электората, употребляя патриотическую риторику. Такие стремления, хотя и вытекают из логики ситуации, но не могут способствовать демократии, которая развилась в устойчивых с политической точки зрения обществах.

Последнюю группу факторов, влияющих на положение демократии в России можно причислить к широко понимаемым «общественным» факторам. Во-первых, надо обратить внимание на отсутствие связи с местом, с локальной традицией. Факт, даже фамилии старой, российской аристократии происходят скорее от индивидуальных признаков или случайных обстоятельств (Толстые, Гагарины, Муравьевы, Щербатовы...) в отличие от европейского дворянства (*de Rastignac, von Hohenzollern, de Pombal, Koniecpolski, baron of Baltimore...*). Можно сделать вывод, что идентичность россиян гораздо реже связана с толомом, чем в традиционно демократических странах. «Большое отечество» вытесняет «маленькую родину» а ведь в локальном масштабе легче культивировать совместную ответственность за общее благо. Уверенность в том, что «мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз» нелегко заменить менталитетом иной песни: «мы дети Галактики, но самое главное – мы дети твои, дорогая Земля».

Возможно, в современной России существует согласие центральных властей и «идущих снизу» авторитетов, что демократию надо начинать, прежде всего, с самого низкого уровня общества. Однако в реальных условиях, успех этого процесса, конечно, потребует очень много времени.

Даже если в положительных случаях наблюдается связь населения с местностью, нельзя игнорировать факт, что стабильность маленьких групп уменьшается. Каждый год сотни деревень исчезают с карты Российской Федерации из-за демографической катастрофы. Именно в демографии сосредоточена главная социальная проблема российской демократии. Фактически уже с 70-х годов XX века на территории нынешней РФ постоянно уменьшается количество жителей характеризующихся русской идентичностью. Учитывая огромную роль миграционных процессов внутри Российской Федерации, получается впечатление дезинтегрирующегося общества. И в Российской Империи, и при Советском Союзе, конечно, в наиболее русской по национальному составу Российской Федерации, социокультурная и политическая модель опиралась на великорусский этнос, а ос-

тальные национальности считались каким-то украшением главной конструкции государственного здания. (См. Русская Доктрина). Однако за последние 20 лет процесса формирования новой российской демократии демографические процессы, связанные с вымиранием русского этноса и одновременно бурным развитием кавказских и среднеазиатских народов вызвали среди части русских чувство опасения перед будущим, а соответственно ксенофобию.

Конфликты, связанные с культурными различиями, политическими и экономическими интересами национальных групп и диаспор вызывают в некоторых случаях спонтанные или организованные беспорядки, в которых погибают люди. Шансы на возникновение пространства ответственности за общее дело всё более и более призрачны. Большинство населения и администрация опасаясь возможного грядущего экстремизма, мирятся с необходимостью особой позиции силовых структур и с контролем над неправительственными организациями.

Подверженность вере в стереотипы навязываемые СМИ с одной стороны и ограничение к информационным доступам, а также к бытовому измерению жизни с другой делают российское общество не менее закрытым, чем в прошлые десятилетия. Социологические опросы последних лет показывают опасную тенденцию отсутствия доверия к государству, (а не к первому лицу страны), общественным институтам, к окружающей среде и тенденции ограничения контактов с членами семьи и друзьями. Бешеный темп жизни и отсутствие доверия к соседям всё более ведут к обособленности и в результате не способствуют развитию демократии, которая требует кооперации, одного из признаков существования гражданского общества.

Инертность россиян – результат не только последних лет. Сталинский террор, обманутые надежды хрущевской оттепели, период стагнации и растущего пьянства при Брежнев не воспитали активного гражданина. Разочарование горбачевщиной, названной покойным Зиновьевым (выражавшим, кстати, мнение большинства) «катастройкой». Экономический катаклизм 90-х годов, разлом общества на различные часто непримиримые группы убивал веру в возможность демократической мобилизации и консолида-

ции. Поэтому и возникает впечатление, что в наше время осталось очень мало готовности к конструктивной демократизации россиян. Акты против «фашизма», «инородцев», «нелегальной иммиграции» имеют часто только отрицательный характер. Инициативы этого рода чаще всего объясняются мастерством власть предержащих соц. и полит. технологов. Без поддержки власти некоторые движения абсолютно неспособными на самостоятельное существование.

Выше означенные процессы указывают три главных источника ограничений демократии в России. В научной литературе и публицистике подчеркивается чисто политический фактор, т.е. действия нынешних элит, но факты указывают на решающую роль объективных общественных проблем. Кому-то это позволяет настроиться на более оптимистический подход к России нашего времени. Однако, то, что с одной стороны может оправдать правящий лагерь, с другой – вводит в печальное настроение, так как с объективной точки зрения российскому многоэтническому и многоконфессиональному обществу брошены самые серьезные вызовы. Увы, средств для их преодоления меньше, чем в странах Запада, которые, между прочим, несмотря на длительную демократическую традицию и экономическое благосостояние тоже не находят в новой ситуации достаточных сил, чтобы благополучно остановить внутреннюю дезинтеграцию. Именно это и требует открытого и честного разговора между всеми заинтересованными сторонами. По-крайней мере до тех пор, пока мы надеемся, что понимаем демократию одинаково.

¹ См. В.Reitschuster, Putins Demokratie. Wie der Kreml den Westen das Fьrchten lehrt, Берлин 2006

² См. Б.Немцов, *Управляемая демократия*, <http://www.nemtssov.ru/?id=608171>

³ В.Сурков, *Национализация будущего*, «Эксперт» №43 (537)/20 ноября 2006, http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/

⁴ Молодежное демократическое Антифашистское Движение «Наши». *Идеология*, <http://www.nashi.su/ideology>

⁵ К.П.Победоносцев, *Великая ложь нашего времени*, <http://www.1-sovetnik.com/articles/article-376.html>. Оригинал-но текст вошел в состав его известного *Московского сборника*.

⁶ См. его *Опасную Россию*, гл. 1, http://www.yurifafanasiev.ru/dangerous_rus/glava1.htm

Сергей Маркедонов

Россия в Абхазии и в Южной Осетии: новая повестка дня

Проблемам де-факто государств постсоветского пространства посвящено немало монографий и статей. После того, как 26 августа 2009 года Рос-

сия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, это количество еще увеличилось. Однако практически для всех исследований по данной теме характерен «геополитический детерминизм». Социально-политическая ситуация в Абхазии, Южной Осетии, анализируется прежде всего в контексте геополитической конкуренции России и США, Рос-

* Автор – заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук.

06/2009

сии и Европейского Союза, а также НАТО и РФ. Внутренняя динамика в государствах де-факто остается вне поля зрения экспертов. По справедливому замечанию британского политолога Лоренса Броерса, ситуация в этих образованиях долгие годы рассматривалась на Западе всего лишь как следствие этнополитических конфликтов начала 1990-х гг. (которые сегодня принято называть «замороженными»). «В результате де-факто государства региона редко рассматриваются Западом через призму понятий переходного периода и демократизации, которая применяется по отношению к государствам де-юре. Вместо того, чтобы видеть в этих образованиях самостоятельную политическую среду, де-факто государства воспринимаются только в контексте их взаимодействия с внешними игроками и мирными процессами»¹. Отсюда и принятый в европейской и американской политологической литературе термин для обозначения де-факто государств Евразии, как “breakaway republics” или “separatist states” (т.е. «отошедшие» республики или «сепаратистские государства»). Таким образом, имманентно предполагается, что «ушедшие» республики в перспективе могут «вернуться». При этом такое возвращение рассматривается, как «разрешение этнополитического конфликта». Фактически восстановление территориальной целостности Грузии, Азербайджана и Молдовы отождествляется с урегулированием конфликтов. Следствием подобного подхода стало рассмотрение всех внутривосточных процессов в Абхазии, Южной Осетии, ПМР и НКР как явления «временного», «ненастоящего», которое будет ликвидировано в тот самый момент, когда ныне существующий статус-кво будет нарушен, а статус «спорных земель» напротив будет определен.

Однако время проходит, и сегодня в военных силах де-факто государств Абхазии и Южной Осетии служат уже призывники 1988–1990 гг., для которых Грузия является лишь внешним враждебным фактором и которые не имеют практического опыта проживания в составе этого государства. Заметим также, что выросло уже фактически полтора потока школьников, прошедших обучение в период пусть и непризнанной, но независимости. Между тем, после признания независимости двух бывших грузинских автономий значение внутреннего фактора их развития значительно возрастает. После того, как Россия признала независимость этих республик, произошло колоссальное снижение т.н. «внешнего» (в данном случае грузинского) фактора, определяющего их внутривосточную ситуацию. На этом фоне началось усложнение внутренней повестки дня, поскольку победители «пятидневной войны» стали задаваться вопросом о цене приобретенной независимости. До «горячего августа» 2008 таких проблем просто не возникало, глав-

ной задачей было физическое сохранение непризнанной государственности, завоеванной в ходе конфликтов, блокад и повторной «разморозки» военного противостояния.

Однако после того, как Россия по факту из миротворца превратилась в единственного гаранта этнополитического самоопределения Абхазии и Южной Осетии и их патрона, объективно и вне зависимости от воли элит двух бывших республик перед ними встала дилемма: по какому пути идти? Нужно ли стремиться к институциональному укреплению завоеванной свободы или, по сути, дальнейшее развитие должно привести к превращению в новые субъекты РФ? В этой связи российским политикам и экспертному сообществу необходимо себе четко представлять новые вызовы и проблемы, появившиеся после признания абхазской и югоосетинской независимости. Время августовской эйфории должно пройти.

Впрочем, сегодня не видно особого желания на трезвую голову представить себе, какие новые проблемы мы приобрели в Южной Осетии и в Абхазии. Для Кремля эти проблемы являются окончательно разрешенными. Мы не собираемся отыгрывать назад, а наши западные партнеры продолжают критиковать Москву за одностороннее признание больше по инерции. Многие лидеры европейских стран фактически признали новый статус-кво. Это относится и к Ангеле Меркель, которая ввела в оборон словосочетание «ядровая Грузия» (предполагая, что вне «грузинского ядра» находятся спорные территории). И в не меньшей степени к Николаю Саркози (который первым из европейцев выдвинул тезис о необходимости международного обсуждения статуса Абхазии и Южной Осетии). На консультациях по стабильности и безопасности на Кавказе (известных как Женевский процесс) делегации Абхазии и Южной Осетии работают, хотя и не имеют официального статуса. Это, впрочем, не мешает иметь с ними дело представителям США, ООН, ЕС и ОБСЕ.

Однако все описанные выше позиции не означают того, что проблемы двух спорных регионов (а таковыми они остаются и после формально-правового признания Москвы) окончательно решены. После августа 2008 года роль России в их судьбе изменилась принципиально. До того Россия играла роль миротворца, медиатора в переговорном процессе (так было в Южной Осетии в 1992–2008 годах и в Абхазии в 1994–2008 годах). Эта роль признавалась ООН и ОБСЕ. После «пятидневной войны» Москва стала военно-политическим гарантом самоопределения Абхазии и Южной Осетии. И, что не менее важно, гарантом их гуманитарного развития. Отныне все социальные обязательства за эти территории переходят к Москве, несмотря на то, что этот факт не признает международное сообщество. Достаточно того, что эти новые реалии признают «непризнанные граждане» Абхазии и Южной Осетии. Следовательно, теперь влияние Грузии будет неизменно ослабевать. Наверное, еще несколько лет фактор борьбы с «малой империей» (так назвал Грузию правозащитник акаде-

¹ Броерс Л. Политика непризнания и демократизация // Прелюдии возможностей лидеров элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе (на русском языке). Лондон. – 2005. – С. 70.

мик Андрей Сахаров) будет играть свою роль. Но в дальнейшем он потеряет свою актуальность и на первый план выйдут проблемы взаимоотношения с РФ. Как говорил в своей знаменитой сорбоннской лекции выдающийся французский историк и писатель Эрнест Ренан, «нация – это ежедневный плебисцит»². Сегодня Тбилиси проиграл этот плебисцит в Абхазии и в Южной Осетии. Но где гарантии того, что Москва не сегодня или завтра, но через несколько лет выиграет этот плебисцит? Риторический вопрос. Особенно если учесть то, с какими проектами Россия приходит в две республики.

На сегодняшний день можно констатировать, что Москва пытается реализовать в Абхазии и в Южной Осетии тот же сценарий, который она уже апробировала внутри РФ на Северном Кавказе. В этом смысле мы можем говорить о стирании граней между внутренней и внешней политикой. Вернемся, однако же, к характеристике северокавказской модели, которую сегодня Кремль пытается распространить, прежде всего, на Южную Осетию, а потом уже и на Абхазию. Для этой модели важна внешняя лояльность центру, дающему финансовые средства. При этом внутренняя ситуация мало кого волнует. В Южной Осетии и в Абхазии эту модель реализовать еще легче, чем в Чечне или в Дагестане. Обозначенные выше две республики являются субъектами РФ, а Южная Осетия и Абхазия – это частично признанные государства. С них, как говорится, и взятки гладки. Мы помогаем, а дальше...

Хотя правильнее было бы поставить знаки вопроса. Москва не пытается предъявить определенные стандарты для своих клиентов, как это делают США и ЕС для той же Грузии. Споры нет, режим Саакашвили не раз нарушал демократические процедуры, о которых так пекутся Вашингтон и Брюссель. Но можно себе представить, что сделал бы он с оппозицией после 7 ноября 2007 года, после «пятидневной войны» или 9 апреля 2009 года, если бы такой демократический пресс отсутствовал. Думаю, что путинская вертикаль показала бы многим воплощением свободы и прав человека. Но ведь Москва не ставит перед теми, кого приручила, даже минимума требований (и распоряжение средствами – это только одна из проблем, верхушка айсберга). Напротив, если клиент лоялен и при этом демонстрирует свою преданность всеми доступными средствами, то именно его и ценят за это. И более того, закрывают глаза на многие чудачества. Наиболее яркий пример этой политики – Рамзан Кадыров. Понимающий зависимость Москвы от него (он – публичное воплощение успеха РФ в замирении Чечни), Кадыров может действовать во многом самостоятельно, без оглядки на центр. Думается, что лидер Южной Осетии не хуже понимает свою роль. Он – гарант пророссийского геополитическо-

го выбора на Южном Кавказе, за что и может многое требовать (а ему можно многое прощать).

К сожалению, в российской внешней и внутренней политике уже не раз бывало так, что тех же, кто пытается ввести элементы цивилизованной игры, считают если не врагами, то людьми, говорящими не к месту и не вовремя. Так произошло с лидером Народной партии Южной Осетии Роландом Келхсаевым. Его отцепили от парламентских выборов (прошли 31 мая нынешнего года), а параллельно с его партией создали еще одну структуру с абсолютно идентичным названием. Непростая ситуация и с героем «пятидневной войны» экс-секретарем Совета безопасности Южной Осетии Анатолием Баранкевичем, вынужденным вести свою критику действующей власти из Москвы. Вызывает вопросы и экономическая политика Москвы, особенно в Абхазии (имеющей ценные черноморские курортные ресурсы). Очевидно, что проникновение российского крупного капитала в Абхазию (без учета некоторых этнополитических нюансов) ударит не только по абхазскому бизнесу, но и по симпатиям местного населения. Пока же некоторые политиков и общественные деятели Абхазии пытаются обозначить эту острую проблему. «Особую тревогу вызвали у нас заявления президента о неких двухсторонних соглашениях по передаче части национального достояния Абхазии под контроль коммерческих структур другого государства. Стратегически важные для Республики Абхазия решения не прошли стадию экспертной оценки, не были представлены на обсуждение общественности и Парламенту РА. Факты показывают, что поспешные непродуманные действия руководства нашей страны вызывают неоднозначную реакцию в обществе, ведут к появлению антироссийских настроений; социальной и политической напряженности внутри страны накануне предстоящих президентских выборов»³.

Процитированный выше фрагмент – часть открытого обращения представителей абхазской оппозиции и некоторых общественных объединений от 23 мая 2009 года к президенту, премьер-министру, спикеру Государственной думы и главе МИД РФ. Оно подписано лидерами Фронта народного единства (главной на сегодняшний день оппозиционной силой в Абхазии), Партии экономического развития, общественных организаций «Ахъаца» и «Аруаа». В итоге создается безвыходная ситуация, когда власти и их действия нельзя критиковать даже ради улучшения политики государства и исходя из патриотических соображений. Вдруг этим воспользуются пропагандисты из команды Саакашвили?

Во-вторых, в случае с той же Южной Осетией и Абхазией Москва продолжает свою старую линию на поддержку только официальной власти. Споры нет, Абхазия и особенно Южная Осетия – это не Украина и уж тем паче не европейская страна, где много оппозиционеров и публичная политика бьет клю-

² Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С.98.

³ Цит. по: <http://www.regnum.ru/news/1167147.html>

чом. Но и там есть люди, недовольные действующей властью. Особенно это касается Южной Осетии, поскольку для Абхазии еще с начала 1990-х гг. характерен более высокий уровень политической конкуренции и демократических свобод. Так вот, говоря о Южной Осетии, нельзя не видеть выходцев оттуда, вынужденных оставить республику и жить в Северной Осетии или в Москве. И заметим, это не сторонники грузинских коллаборационистов типа пресловутого Дмитрия Санакоева. Среди них те, кто имел серьезные заслуги и в защите Южной Осетии, и в попытках сделать ее дееспособным образованием. Например, сегодня Кокойты жестко критикует Олег Тезиев, глава североосетинского фонда «Гражданская инициатива», экс-премьер-министр и экс-министр обороны Южной Осетии, занимавшийся обороной республики от Грузии в начале 1990-х годов.

Не наша задача решать, прав Кокойты или Багапш, напротив, правы их оппоненты. Ключевой вопрос – адекватное представление о том обществе и людях, безопасность которых ты собрался защищать. Возможно, президент Южной Осетии – это единственный достойный выразитель воли народа этой республики. Но и в таком случае это не повод для самовластия и своеволия в кадровой политике. После формирования нового (послевоенного) правительства Южной Осетии осталось слишком много неразрешенных вопросов. Например, каковы критерии кадрового отбора? Без ответов остаются

сегодня и многие другие хозяйственные вопросы. В чем суть конфликта республиканских властей и строительных организаций, занимающихся восстановлением республики? Чем так провинилась Народная партия? На эти вопросы можно и не отвечать. Но тогда будет расти негативное отношение к самому признанию Южной Осетии, причем внутри России. Закономерным станет реакция такого рода: «Мы сами себе повесили хомут в условиях глобального финансового кризиса».

Таким образом, вместо грузинского этнического национализма Москва предлагает своим новым клиентам старый добрый административный ресурс и «суверенную демократию». То есть фактически это правило, когда своим предлагается суверенитет. А остальным – демократия. Но это не содержательное решение тех проблем, которые волнуют и абхазское, и югоосетинское общество, которые отнюдь не считают, что независимость от Грузии должна стать синонимом торжествующей коррупции, закрытости власти и беззакония. Многие абхазы и осетины полагают, что независимость – это не оправдание для бедности и всевластия власти, а высокое качество государства и действительная независимость, а не превращение в 83-й и 84-й субъект РФ. Не желая решать действительно насущные проблемы республики, Москва рискует испортить отношения с местным населением. Чем дальше Южная Осетия будет от Грузии, тем больше вопросов будет не к Тбилиси, а к Москве.

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Владимир Махнач

Имперская традиция в России

1. О чистоте терминов

Первоначальный смысл понятия. Не размером единым. Император и монарх

Одно из самых десемантизированных понятий в современном языке – понятие «империя». Оно утратило прежнее содержание, превратилось в общепринятое наименование нечистой силы.

Трудно сказать, когда это случилось. В понятие империи не вдумывались в минувшем столетии. А в XX веке сразу заговорили об имперском мышлении, имперских амбициях. Об имперской традиции, наконец, даже не обязательно с негативной оценкой. Но собственно сущность империи оставалась за скобками. Между тем, принципиально важно обратиться к первоначальному смыслу этого понятия.

...Невозможно представить себе, чтобы империю делали таковой только ее размеры. В 1261 году Миха-

ил Палеолог вышвырнул из Константинополя крестоносных оккупантов и восстановил империю с ее имперской столицей. Это не вызвало всеобщего восторга, но было признано всеми без звука, в том числе и на Западе. Последние же два столетия Византийской империи до турецкой оккупации – это непрерывная агония, сокращение территории. Однако даже несчастный Константин XI Драгас, павший при защите Константинополя (доказав, что он был достоин пурпурной обуви), владевший небольшим участком земли вокруг столицы, несколькими островками Эгейского моря и небольшим кусочком в южной Элладе, безусловно, оставался для всех василевсом – в латинизированной форме, следовательно, императором.

Более того, несмотря на то, что за имперской столицей все охотились, пожалуй, имперская идея почти на два века продлила жизнь Византии, которая, не будь она империей, прекратила бы свое существование, видимо, раньше. Византия

* Впервые опубликовано в журнале «Грани» 1994, № 74.

XIV–XV веков – противоестественная держава, однако она живет.

На протяжении многих веков люди прекрасно улавливали различия между императором и просто монархом. Например, величайший из исландцев Снорри Стурлуссон в своей «Младшей Эдде» детально разбирает, какие кенниги (то есть эпитеты, иногда с оттенком славословия) полагаются императору, а какие – только конунгу, королю, а какие могут доставаться ярлу и так далее

Теперь присмотримся к самому титулу императора. «Imperium» – это вообще высшая власть в Риме еще республиканского периода. Кстати сказать, это являлось только почетным титулом главы государства. Как лицо уважаемое он был императором, но императором *не работал*. По должности он был принцепсом, «первенствующим», подразумевалось первоначально – первенствующим в сенате. Ладно, византийский титул мало о чем говорит, ибо василевс – это просто царь. Но вот персидский монарх столетиями назывался «шаханшах» – царь царей, именно в том смысле, что есть и просто цари. Например, царь армянский, царь лидийский или даже среди чисто персидского населения – царь саксаганский. И это не единственный пример.

Забегая вперед, скажу, что империя есть нечто «с царем царей» во главе, объединяющее государства, разумеется, потерявшие часть своей независимости, в основном внешней. По этому принципу была, например, смоделирована – смешно подумать, всего лишь 120 лет назад – германская империя. Не совсем обычная, она ведь не была многонациональной. Но, тем не менее, она была составлена из независимых государств, которые сохранили определённые прерогативы, и король прусский, став кайзером Германии, оставался всё тем же королем прусским.

2. Империя и провинция

Самобытность римских провинций. Почта, дороги, водопровод и др. как имперские учреждения. Русь и Касимовское царство

Может быть, нелишне отметить, что впервые автора подтолкнуло к размышлению о сущности империи.

В 1971 году был выпущен сборник в двух выпусках, которые назывались «Рабство в западных провинциях Римской империи» и соответственно «...в восточных провинциях...». Листая этот сборник, автор, еще студент, с изумлением отметил, что рабства универсального там на самом деле не существовало. Рабство из школьных учебников, толпы невольников в огромных латифундиях – это встречалось, но только в Италии и в Северной Африке, и не везде. Совершенно другим, патриархальным, мелкозавладельческим, было рабство в Элладе. Оставалось ветхозаветным рабство в Иудее с обязательством отпускать рабов в юбилейные годы. А в Египте и вообще никакого рабства не было, зато имелось зависимое, «крепостное» крестьянство, из чего над-

лежало сделать вывод, что египетская провинция была феодальной частью Римской империи.

Автор стал вникать в детали, обратился к другой литературе и пришел к кощунственному для того времени выводу: провинции, охватывающие почти всё Средиземноморье, благополучно сохраняли несколько не поврежденный Римом уклад жизни, со своими обычаями, часто со своим законодательством, со своими неповторимыми социополитическими, социоэкономическими отношениями.

Да, их связывал чисто условный, выполнявший роль государственной присяги культ императора. Ну и еще такие чисто имперские учреждения, как почта, дороги, в какой-то степени регулируемое мореплавание – к общей радости провинций. И все они были разными, хотя и не все равноправными. Наиболее уважаемыми, наиболее самостоятельными были старые римские союзники, старые римские друзья, близкие по культуре или охотно принявшие Рим. Но все жили по-разному.

Таким образом, по крайней мере Рим подсказывал, что империя не может существовать без понятия провинции, а «провинция» – это не оскорбление, а обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории.

В истории Руси классическая иллюстрация сказанного – Касимовское царство, основанное целым кланом выехавших на русскую службу волжских татар во главе с царевичем Касимом. Касимовские царевичи неоднократно являли пример героизма на русской службе. Да, в XV веке Касимов – это некоторый противовес Казани, но в XVII веке – какая Казань?! Кто мог угрожать на этом направлении России? И, тем не менее, никто не упраздняет Касимовское царство. Там чеканят свою монету. Оно остается действительно государством в рамках России. Разве что правители этого царства титуловались не касимовскими царями, а касимовскими царевичами. Царь – это ведь титул императорский. Единственная причина, по которой Касимовское царство было упразднено как самостоятельное государственное образование, это *пресечение династии*.

Другой пример. 1611 год, смута. Идет формирование второго земского ополчения князя Пожарского. Сохранился замечательный документ – Казанский земский приговор по этому поводу. Список собравшихся открывает митрополит, далее следуют представители чинов и сословий. Понятно, почему стремятся на бой ради освобождения столицы, родной земли русские. Можно с некоторым напряжением объяснить участие в ополчении черемис, то есть марийцев. Но совсем, казалось бы, противоестественно участие татар. Ведь Казань шестьдесят лет как присоединена. По старинному правилу – враг моего врага мой друг – казанские татары должны были ударить в спину ненавистному оккупанту. И ни один историк потом не упрекнул бы их, как никто не упрекнет ирландцев, работавших в годы Первой мировой войны по возможности на немцев – слишком натерпелись от англичан.

Происходит же совершенно неожиданное: казанские татары садятся на коней и отправляются освобождать Москву. Мне встречались суждения, объясняющие это исключительным гуманизмом русских. Я же склонен объяснять этот факт имперским характером России, в которой уживались все, как прежде уживались в Риме. В том числе за шесть десятилетий вполне ужились с Россией и казанцы.

Вот примеры имперского духа и имперской идеи, того, без чего империя не существует и что является необходимым, хотя, может быть, и недостаточным условием для их существования.

...Рим создал идею универсальной империи как идею общего блага. Рим не навязывал принципов организации хозяйства, торговли, существования рабства или отсутствия такового, форм зависимости колоната, прохождения службы полисными, муниципальными чинами. Романизация – это дороги, почты, акведуки, водопроводы. Римская культура была необычайно водолюбивой. Достаточно сказать, что высокоцивилизированная Западная Европа только к рубежу XIX–XX веков начала в крупнейших городах доставлять на душу населения столько воды, сколько доставлялось в Риме. И такое навязывание всеми, безусловно, воспринималось как общее благо. Истребление пиратства, организация судоходства – безусловно, общее благо для всего Средиземноморья.

Рим правил, опираясь не только на титул римского гражданина, статут муниципия, на звание друга и союзника римского народа. Рим, безусловно, правил под лозунгом *единства во имя общего блага*. И этого хватало до тех пор, пока сохранялся имперский этнос.

3. Империя и провинциальная элита

Первый опыт создания империи. Интернационализм знати как римская традиция. «Москва – третий Рим»

Есть, разумеется, и другие общие черты империй. Каждая империя стремится создать имперскую знать, аристократию, в состав которой обязательно приглашаются представители знати народов, завоеванных империей или, что бывало часто, прибегших к помощи империи.

Представление о необходимости создания имперской знати относится к древнейшему и, как представляется, первому опыту создания империи – ассирийской, точнее, новоассирийской державы.

Начиная с Ашурубаллита Первого, а особенно при великих монархах Синаххерибе, Асархаддоне интенсивно формируется имперская знать. Старинная аристократия Ашшура, связанная с древней столицей, уходит в тень. А в Ниневии интенсивно формируется имперская знать – не только из военных кругов предельно милитаризованной державы (по сути дела Ассирия – это народ-войско), но и из знати покоренных народов. Это был совершенно осознанный и правильный выбор. Заметим также, что Ассирия была не чужда сохранению и государственных образований внутри империи. Она сохра-

нила вавилонское царство, но настолько третировала его, что спровоцировала вавилонское восстание, потом разрушение Вавилона. Здесь не было последовательности и разумной политики. Поэтому я говорю только о *первом опыте* создания империи.

Что же касается имперской знати, то это, безусловно, и римская традиция. Конечно, римская знать из провинциалов была романизирована, за исключением эллинской. На романизацию эллинов римляне никогда не осмеливались. В конце концов: *«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила»*.

Это не грек написал, а римлянин, Вергилий.

Романизируя, тем не менее, римляне создавали имперскую знать. Мы знаем знаменитейших римлян провинциального происхождения. Военная знать вообще могла пополняться кем угодно – и греками, и африканцами, и сирийцами, и галлами. Точно так же действует потом наследница римской политической традиции – Византия. Если опереться на исследования А. Каждана, то получится, что в средневизантийский период по крайней мере армян вместе со славянами в сумме было больше, чем фамилий истинно греческого, византийского происхождения.

...У русского народа имперская культура вполне сложилась к XVI веку. Известный тезис «Москва – третий Рим» не имел ни малейшего оттенка самодовольства. Напротив, он воспринимался как огромная тяжесть, которую христианский долг повелевает принять по той бесхитростной причине, что нет другого мощного проводника восточ-нохристианской культуры, больше некому после падения Константинополя этим заниматься. Тогда же вполне проявляется и важный аспект – включение сначала отдельных представителей, а потом и целых народов в имперскую культуру. Это не подразумевало превращение всех в русских. Культурные границы, в отличие от этнических, достаточно подвижны. А русско-имперская культура ухитрялась включать в себя даже представителей других религий, при всем том, что Россия никогда не забывала о своей миссии.

4. Империя и ее союзники

Вассал воюет за... предоставление гражданства. О верных империалистах и продажных республиканцах

На римском примере мы можем увидеть, как в жесточайшей конкурентной борьбе этнос имперский победил и рассеял этнос принципиально не имперский – пунов, карфагенян.

Рим – империя задолго до того, как его устройство сменилось с республиканского на монархическое. Кстати, переход был очень плавный, грани здесь нет, тенденция к установлению монархического образа правления много древнее Августа и после Августа очень долго держались республиканские традиции. Они, по-видимому, не противоречат факту существования империи.

Римляне, несомненно, были величайшими администраторами древности, величайшими государ-

ственными создателями. То, что было у персов на уровне чутья, гениальной интуиции, у римлян было предельно четко разработано. Римляне великолепно использовали различные градации признаваемого гражданства: италийское гражданство, латинское гражданство, наконец, на самом верху римское гражданство. И всё это даровалось.

Я думаю, что каждый приличный школьник знает о самнитских войнах. За что сражались самниты? Стереотипно мыслящие люди полагают – за свою независимость. Ничуть не бывало. Самниты обрушивались на римлян за то, что те затягивали предоставление Самнии латинского гражданства. Представим для сравнения, что Чечня объявляет сейчас войну России по причине непредоставления ей аналогичных прав... Если бы такие войны объявлялись, я бы считал, что с Россией всё в порядке.

Предоставлением этих иерархически организованных прав римляне созидали стройное здание имперского организма. Классическая формула: «Я – римский гражданин!» произносилась с такой значительностью и гордостью, что с этим считались везде, даже за пределами империи. Для парфян это тоже звучало. «Я – римский гражданин!» – произносит подозреваемый в антигосударственной деятельности апостол Павел. Это означает, что его нельзя пороть, нельзя пытать, правда, можно казнить, но это будут решать император, имперский суд, для этого надо подозреваемого этапировать в Рим. Апостола и этапируют в Рим, где казнят. Но по пути он обращает в веру Христову тысячи и тысячи новых прозелитов (согласитесь, это не советский этап).

Действовал и статут города. Муниципий – это, в общем, и есть римский полис, только имперский, обладающий самоуправлением, полисными прерогативами, но в рамках империи. Статут муниципия даровался существовавшим полисам и его принимали с удовлетворением. Принимали не из страха перед римским легионом. Почему?

Римско-карфагенская парадигма давно занимает не только историков, но и поэтов, философов. Ее сущность блестяще раскрывает Гилберт Честертон в своем «Вечном человеке», может быть, даже не полностью. Карфаген как торговая держава был предельно эгоистичен. Все войны, которые он вел, – это войны в обеспечение торговых монополий. Карфагеняне терпели нехотя. У них были союзники, в основном из тех, кто опасался возрастания могущества Рима, но не любил карфагеняне никто. Как любой торговый город-республика, он был слишком эгоистичен.

Карфаген мог даже по-обезьяньи копировать римскую политику. Например, лучшим своим солдатам-ливицам мог пообещать карфагенское гражданство... и его не дать. Самый пламенный патриот Карфагена, великий Ганнибал, пытался немного корректировать эту эгоистичную политику, дарить карфагенские титулы ливийским царям, даровать ливийцам карфагенское гражданство. Карфагенская аристократия на это не шла и подозрева-

ла Ганнибала (может быть, и обоснованно) в стремлении установить царскую власть. Поэтому Карфаген легко лишился союзников. В решающем сражении при Эаме Ганнибал мог видеть против себя ту самую нумидийскую конницу, которая столько раз оказывала ему неоценимые услуги.

Карфаген предавал легко. Рим не предавал союзников никогда. «Друг и союзник римского народа» – вот, пожалуйста, еще один титул, которым оперировал Рим, создавая империю. Конечно, «друг и союзник римского народа» – это тот правитель, а иногда и город, который должен срочно раскошеливаться на военные нужды, предоставлять свои корабли, участвовать как союзник в войне римского народа. Никакого равноправия здесь не было, это был уважительный, но вассалитет. И Рим являлся властным сюзереном. Но римляне даже в безнадежной ситуации не предавали союзников. Это запомнилось. Вот римский механизм созидания империи, его еще одна чрезвычайно важная черта.

Похожим образом вела себя Священная римская империя германской нации. Позднее – австрийская держава, защищавшая любых своих окраинных подданных или союзников от турецкой экспансии. Так вела себя Византийская империя по отношению к христианам Кавказа и Закавказья. Общеизвестно поведение Российской империи. Это не прерогатива России – быть честной по отношению к подданным и младшим союзникам, это имперская традиция. Все настоящие имперские организмы в той или иной степени выдерживали этот экзамен.

5. Империи-химеры

Завоевали – и не режут?! Имперскость и (или?) унитарность. Терпимость к народам и терпимость к культурам

Кто впервые в мировой истории создал настоящее имперское образование?

Думается, Персия при Ахеменидах. Как высказался в неакадемической обстановке один человек, тонко знающий персидскую историю, все приняли радостно или, по крайней мере, терпимо Куруша (который действительно был велик) от удивления. Мол, странные какие-то люди эти персы – завоевали и не режут! Пожалуй, с ними можно жить...

Возьмём пример самый хрестоматийный. Могущественный Крез с репутацией богатейшего человека тогдашнего Средиземноморья вздумал воевать с Киром. Крез проиграл. Что мог сделать Кир? Мог великодушно выгнать вон, но тогда он создал бы себе непримиримого врага, реваншиста. Мог казнить – показательно, жестоко. Но он не делает и этого, а приглашает Креза во дворец, где нарочито титулует его царем. Крез считался лидийским царем, получал почести, даже доход, сохранял определенную власть в пределах Лидии и располагал своим войском. Стоит ли удивляться, что после этого побежденный при каждом удобном случае говорил, что Куруш – избранник богов, и если бы он понял это раньше, то не оказал бы ему сопротивления. Раз-

давленный монарх не говорил бы таких вещей. Потрясенный великодушием победителя – мог.

Ахемениды создали свою державу, и настолько успешно, что даже когда борьба с Персией была объявлена общегреческим делом, малазийские греки сохраняли верность своему царю персу и поставляли ему войска. А почему? А потому, что в державе Кира они жили в любезной их сердцу полисной организации. Было за что сохранять преданность Ахеменидам.

Теперь несколько слов – о самоназваниях.

Империями называли себя многие государства. Мне представляется целесообразным считать не все организмы, принимающие некоторые элементы имперского устройства, собственно империями. Выше была сделана оговорка: Ассирия пыталась создать империю, но это ей не удалось. Ряд государств в мировой истории даже впрямую называли себя империями, но таковыми не являлись.

Безусловно, самозванкой была так называемая Британская империя, обычная колониальная держава, имевшая основания на свое наименование ничуть не больше, чем, например, Нидерланды. Лишь признаки частей имперского организма в английской политической системе представляли не колонии, а доминионы. Но в них как раз доминировало англо-саксонское население. Это были тоже колонии, но в античном смысле этого слова, колонии с действующим лицом – не колонизатором, а колонистом. Колониальные державы посему не есть империи, даже если они так называются.

Необычной являлась недолго просуществовавшая Германская империя. Она империя лишь постольку, поскольку конкурировала с Австрией за наследие Священной римской империи, очень старалась соответствовать своему названию, но была державой националистического, а не имперского характера. Населенная почти исключительно немцами, она не типична, это не вполне империя. Хотя, безусловно, это государство обладало рядом существенных черт имперской организации.

Еще два государства, которые обладали определенными имперскими чертами, но так полноценными империями и не стали: Турция и Китай. Турки-османы были блестящими администраторами, под стать римлянам. У них могло получиться. Однако их поведение в качестве хозяев положения было настолько непоследовательным, что они постоянно вызывали центробежные настроения не только у многочисленного восточнохристианского населения – славян, греков, сирийцев, но и подвластных им мусульман, например, арабов и курдов. Турция не создала единого организма, ее отношения с иноэтническими территориями походят на отношения европейских держав XIX века с колониями. Поэтому Турция очень легко потеряла свои нетурецкие территории. И хотя даже это повлекло за собой неприятные последствия для ряда малых народов, попавших под новое владычество, вряд ли можно сейчас

найти среди бывших вассалов сторонников идеи возвращения в Турцию. Более того, и сами турки-османы не имеют внутренней установки на воссоздание империи.

Вероятно, это может означать, что Блистательная Порта при ее имперском аппарате, каком-никаком имперском устройстве, не имела имперской идеи. Ничто не удерживало её на наднациональном уровне.

В аналогичной ситуации оказался и Китай, но здесь сыграли роль другие факторы. Китайцы были исключительно терпимы к представителям других народов. Однако – абсолютно нетерпимы к представителям других культур. Поэтому каждый раз, когда в состав Китая попадало значительное количество не китайцев, их бешено адаптировали. Полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство. Единый этнос в результате не возникал (он вообще вряд ли может быть рукотворным делом). Такие установки на объединение подтачивали Китай изнутри, появлялись в значительном количестве ложные китайцы, которые не воспринимали китайцев природных вполне своими. Поэтому Китай – страна, обладавшая и созидавшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствовавшая верной имперской политики.

Империи вообще – редкое явление. Но, тем не менее, мы видим, что они существуют на протяжении свыше двух с половиной тысяч лет. И уже это обстоятельство позволяет полагать, что время империй не прошло. Так же, как и время монархий, время республик, которые, кстати, ничуть не моложе монархий.

6. Распад империй: причины и последствия

Распадается всё, но империя – долгожительница. За «последними римлянами» уходит Рим. Малый и большой всегда объединяются против среднего

Держава персов была разрушена Александром. Я склонен полагать, что причины крушения объяснила этнология Льва Николаевича Гумилева (старость имперского этноса).

Империя Александра не удалась, оказалась химерой, но после ее распада преемницей имперской идеи становится Селевкидская держава в примерно старых пределах. Потерпели фиаско Селевкиды. Следующие этапы – Парфянская держава, Сасанидская держава. Даже если исключить мусульманский период, то от начала Ахеменидов и до конца Сасанидов империя просуществовала четырнадцать веков. В какой-то степени имперскую идею подобрал и мусульманский Иран.

Позволю себе замечание а пророс. Да, империи распадаются. В этом мире распадается всё, даже планеты, и Земля когда-нибудь распадутся. Но из всех государственных образований империя – как раз долгожительница. Я не знаю, какая держава продолжительностью существования может конкурировать с Эраншахром. Можно привести много примеров, посмотреть, сколько просуществовала идея новой западной империи, если даже начинать

ее не с Карла Великого, а с Отто Первого, тоже Великого. Всё это будут державы огромной продолжительности жизни.

Ещё раз соглашусь с Гумилевым: Римская империя прекратила своё существование не потому, что разделилась, ибо она никогда не делилась. Не было восточной и западной Римской империи, а были восточный и западный императоры. У них были свои сферы управления, но империя воспринималась как целостный организм.

Если бы дело было только в разделении, то тогда почему не удалось восстановление былого единства? Ведь его блестяще провел к середине VI века император Юстиниан Великий. А дело вот в чем. Как мне кажется, империя, имея федеративное устройство (тем самым я утверждаю, что унитарная держава не есть империя), обязательно опирается на стержневой этнос. (Это наводит на осторожную гипотезу, что империя органичнее, например, федерации, она живой организм, она более связана с этносом.)

Действительно, мы всегда можем назвать имперские народы – персов, римлян, средневековых греков-византийцев (которые называли себя римлянами), немцев, русских. Нормальное окончание существования империи – это исчерпание сил имперского этноса. Где находим подтверждения? В истории Ирана – несколько раз. Во всяком случае, конец империи Ахеменидов и конец империи Сасанидов – это явно усталостные явления, закат этносов. У римлян это не оспаривает ни один исследователь античного мира. Сначала полководца Аэция, потом философа Боэция называли последними римлянами. После гибели последнего римлянина не мог существовать и Рим. Византия даже пережила свой век. Здесь закат средневекового греческого этноса явно проявился в 1204 году, когда крестоносцы взяли Константинополь.

Россия была, безусловно, полноценной империей, но она прекратила свое существование раньше, чем состарился имперский великорусский этнос. Не здесь анализировать причины распада Российской империи. Версий очень много. Одна – что никакого распада вовсе не было. Другая объясняет случившееся исключительно внешними по отношению к России факторами. Есть версия, что повторилась австрийская ситуация: стержневой этнос, русский, уклонился от выполнения имперских функций.

Если выстраивать аналогии, то вполне возможно, что в 1917 году повторился отнюдь не 1453 год Византии, а 1204-й, после чего, как известно, империя была восстановлена. Я думаю, что никто не будет всерьез утверждать, что имперская идея в России исчерпала себя, и империя восстановлена быть не может.

...Представляется очевидным, что наиболее удобной, бесконфликтной является жизнь общества моноэтнического, но такое бывает чрезвычайно редко. Большинство из когда бы то ни было существовавших государств полиэтнично. Так вот, среди

не моноэтнических государств наиболее удобные условия для этносов предоставляли как раз империи. Империя универсальна по своей идее, в силу этого она наиболее терпима.

Империя всегда уравнивает народы, а ведь было бы странным упрощением считать, что в государствах, тем более в имперских образованиях, существует только соотношение: большой народ – и множество малых. Среди подданных Рима существовали численно значительные копты, кельты, эллины, не столь значительные сирийцы, а иберов, последних этрусков было совсем немного. Жил какой-то странный народ на Балеарских островах, про который мы даже не знаем, кто они такие. Они тоже были подданными Римской империи.

Мы вправе говорить о том, что существуют имперские и неимперские народы, этносы. Трудно сказать, врожденный ли это этнокультурный стереотип, который позволяет приступить к созиданию империи, или он приобретает в процессе созидания. Я склонен полагать, что он исторически складывается. Но способность выработать подобный стереотип – это условие и путь к созданию империи.

Если схематизировать этническую структуру некой обобщенной империи, то правильнее сказать, что ее населяет большой народ, несколько средних и известное количество малых. Так вот, для огромной части населения империи эта последняя – защитница малых от агрессии средних. Универсальный исторический закон, работающий в пользу империй, я бы сформулировал так: *«малый» всегда с «большим» против «среднего».*

Поэтому распад всякой империи, чем бы он ни вызывался, – это всегда вселенская скорбь, всегда стон не только людей, а множества народов. Высвободившиеся из-под имперской опеки – не обязательно владычества, скорее опеки – более многочисленные средние, не имеющие навыка руководства имперским организмом, первым делом ужесточают положение малых народов. Немедленно! Империи даже не обязательно для этого полностью развалиться. Можно проверить это, отправившись в Угорскую Русь, в Закарпатье. Там прилично относятся к русским; весьма прилично к немцам, ничего дурного о них, австрийских властителях, не помнят. Но при слове «мадьяр»... я, пожалуй, воздержусь от цитирования русинских пословиц по их поводу. А всё почему? При превращении Австрии в Австро-Венгрию территория досталась венграм. Венгры – не злодеи, конечно, а просто *средний народ, не имеющий имперских навыков.* И это тут же чудовищно ужесточило положение малых.

7. Имперская идея на Руси

Созвучие идей универсальности Церкви и универсальности государства. Русский имперский этнос выковала православная Церковь. От «своих поганых» к просто «своим»

Если уж мы заговорили о распаде империй, имеет смысл вернуться к тому, что удерживает их от

распада, иногда вопреки стратегическим, этническим факторам, против которых, казалось бы, не попрёшь. Речь об имперской идее. О Риме уже говорилось. То, что Рим нёс благо общего спокойствия, гражданского благоденствия, признают даже авторы Нового Завета.

Рим сменяет Византия. У неё стержневая идея гораздо мощнее. Это христианская держава, для каждого её подданного сохранение империи, её оборона, защита её интересов – христианский долг. Для него соотечественник – это любой другой подданный православного царства, более того, и каждый христианский мученик первых веков, кем бы он ни был, а они бывали очень замысловатого происхождения. Все они свои, все сородичи, такими их помнили.

Идея империи как христианского государства родилась задолго до того, как Рим признал христианство официальной религией (религией большинства, а не религией всех!). Почему так случилось? Думается, потому, что идеи универсальности церкви и универсальности империи, совершенно автономные по своему происхождению, оказались созвучными. Доказательства? Их очень много. Интересно, что когда после большого интервала на Западе была воссоздана империя (800 год, коронация Карла Великого), совершенно спокойно продолжали пользоваться наименованиями «западный император» и «восточный император». Хотя, конечно, налицо были разные государства, и не самые дружественные – империи Каролингов и Византия. Но в сознании народов империя оставалась единой. По сути дела, несмотря на разделение церквей, эта традиция сохранялась вплоть до гибели Константинополя.

Надо сказать, что славянорусы домонгольского периода были совершенно не имперским народом, в общем, даже не этатистским, без особенного государственного инстинкта. Они формировались в последние века до нашей эры в обстановке спокойной, на обширном, малонаселённом ландшафте. Они были достаточно похожи на кельтов, своих отдаленных предков, своим вольнолюбием и установкой на федерализм.

Единая Киевская Русь существует только в школьных учебниках. Русь всегда была федерацией земель-княжеств. Среди князей выделялся для общего удобства первый среди равных, Великий князь Киевский, потом – Владимирский, но до централизованной державы было далеко. Все были за единство, однако – против единой державы. Усилия объединителей Андрея Боголюбского и Всеволода III, при всём их таланте и могуществе, были тщетны. Их не понимали. Русь и так была велика и обильна.

А русские, этнос XIII века, складывался в обстановке чудовищного давления как с Запада, так и с Востока, отторжения литовским, частично польским государствами западнорусских земель и Ордынского владычества. Идея Владимирской державы, идея Андрея и Всеволода, сразу стала не просто популярной, она стала всеобщей, стала этнокультурным стереотипом. В усобицах XII века дрались за добычу, престиж, искали «себе чести, а князю славу», дрались

за сферы влияния и рынки. А усобицы XIV века – это борьба трех сторон за создание Владимирской державы: Суздаля, Твери и Москвы. И борьба двух сторон за создание империи: Владимира и Вильны.

Русские XIV века уже обладают государственным инстинктом. Что пока говорит лишь об определенной способности народа, потенциальной пригодности к воспитанию из него народа имперского. Импульс к созданию Российской империи, как представляется, был привнесён извне. Не из Орды, не из Византии как государства, а из кругов православной Церкви, полагавшей себя вселенской. Церковь стремилась создать христианское царство как свою опору и приобрела его в Риме при Константине Великом. Церковь сохранила свое достоинство в виде Византийской империи. В XIV веке любой русский, который побывал в Константинополе или хорошо был осведомлён о тамошних делах, прекрасно представлял себе, что империя идёт к закату и скорее всего не выживет. А уж грек-то в этом точно не сомневался.

Обратим внимание на характерную деталь. С момента Ордынского вторжения на русской митрополичьей кафедре сменялись очень разные люди. Галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Пётр, москвич Алексей, болгарин Киприан, грек Фотий... Они разноэтничны и разнокультурны. А действуют как одно лицо. Даже политические симпатии у них не схожи. Не менялось одно: установка на созидание Российской державы. Церковь готовила в XIII веке союзницу слабеющей Византии, а к концу XIV – её преемницу. У князей такой чёткости не было.

Таким образом, созидателей государства из русских выковыляли враги, но как этнос имперский – идея православного царства, миссия защитника христиан.

Поэтому я полагаю, что религиозно и, что гораздо более существенно, культурно Россия как империя была запрограммирована.

Далее. Что программировало русский имперский этнос на, так сказать, обиходном, бытовом уровне? Тут многое разработано евразийцами, которыми так увлекаются в последнее время. Я укажу важный аспект, который они проморгали, не придали ему большого значения. Русь ухитрилась быть единственным государством в мировой истории, включившим в орбиту своего культурного влияния кочевников и полукочевников. Вот этого не достигли ни римляне, ни византийцы, ни даже персы, потерпевшие неудачу в Туране.

Русские сумели. Торки и берендеи, затем половцы в XI веке именовались «свои поганые», в смысле «свои язычники», без всякого уничтожения. В XII веке они остаются *своими*, но перестают постепенно быть *погаными*; среди половцев и особенно тюрков все больше появляется христиан. Политически подчинившись Орде, Русь незамедлительно организует в Орде миссионерскую деятельность. Подразумеваю основание Саранской епархии в 1261 году. Тогда миссия не увенчалась успехом по причине явной слабости народа. Было просто рано.

8. Россия будущего: варианты выбора

Изоляционизм как симптом культурного упадка. Русский этнос в фазе надлома. Важнее не сколько земель, а какие земли

Что бывает, когда имперский этнос начинает вести себя не «по-имперски»? По-видимому, это проявляется двояко: в отказе защитить старого союзника, старую провинцию, – и в отказе от самой идеи империи, в стремлении к изоляционизму.

В австрийском варианте, например, это в конце концов привело к изоляционизму, желанию замкнуться в южногерманском, австрийском анклав. В сегодняшней России такая тенденция есть, она достаточно широко распубликована. Корни явления, конечно, не в сфере этнологии. Это чистейшей воды культурный упадок, который, в отличие от этнического, может преодолеваться. Смею полагать, что если русские начинают легко переносить потерю бывших многовековых территорий Российской империи, то вскоре они перестанут по-имперски вести себя и с теми инородцами, которые остались на территории России. Это взаимосвязанные явления. Изоляционизм – опасная штука, изоляционисты гораздо менее справедливы и уж точно менее терпимы к малым сим, нежели империалисты. Если учесть, что русским уже объяснили понятие мигрант, будет не удивительно, если в самое ближайшее время о мигрантах заговорят русские.

Я принимаю, хотя и с известными оговорками, этнологическую теорию Л. Гумилева. Как её осторожно ни применяй – у русских тяжелая фаза, фаза надлома. За выход из надлома немцы заплатили едва ли не тремя четвертями жизни, тридцатилетней войной. Но оставшейся одной четверти немцев вполне хватило на создание немецкой классической философии, немецкого романтизма, потрясающей немецкой музыки, много ещё чего и, наконец, нынешней вполне благоденствующей Германии. Сегодня по многим аспектам это мощнейшая держава в Европе.

Так что в нашей шкуре побывали и другие народы. И доказали, что из надлома все-таки выходят.

Неизбежен ли для нас 1453 год? Абсолютно неизбежен, в мире всё заканчивается. Завершается история народов, следовательно и государств, и империй. Правда, с одной маленькой оговоркой: бывают этнические подъёмы и тогда имперская эстафетная палочка передаётся по наследству. Это проследживается, скажем, на примере Ирана. Мы не знаем, кто явится нашим наследником через несколько столетий: восстановится ли Россия как имперский организм или распадётся. А может быть, она передаст эстафетную палочку. Я не пророк.

Но позволю себе историческую аналогию. Когда в середине XIII века Александр Невский спасал Русь, Русь совсем не хотела, чтобы её кто-нибудь спасал. Александр Ярославович скончался на 43-ем году жизни, хотя был крепким, здоровым, красивым мужем. Он надорвался, не вынес этой тяжести. Но исторически-то оправдан оказался Александр Невский! Он не знал этнологической теории Гуми-

лева, руководствовался чувством долга, интуицией, не более того, как многие политики. И остался самым популярным правителем в исторической памяти нашего народа.

Во всяком положении нужно просто достойно себя вести. Что же касается ориентации на будущее, то, как я думаю, возможны три варианта выбора.

Можно стать на путь изоляции и породить, скорее всего, пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, результат получится тот же самый. Мы порвём с собственной традицией. Это возможный путь – он, кстати, спокойный.

Возможно возвращение к имперскому самосознанию. Это вовсе не означает, что народ в обязательном порядке должен застолбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это – готовность решительно сказать, что империя существует, мы её сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не существования республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получат необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи.

Есть третий путь, не исключающий второго. Я бы его назвал *культурологическим*. Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъёма. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной для нас культуре – *восточнохристианской*. Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание – это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре – дело не человека, это дело народа. Будет культурный подъём – мы можем воссоздаваться в таком ключе.

Тем русским, которые ориентируются на такой вариант выбора, важно, не сколько у них будет земля, а главное, какие это будут земли. Элементарная геополитика подсказывает, что Россия как классическая двубереговая держава не может держаться за Балтийское и Черное моря мизинцами, а должна все-таки держаться руками.

Что подсказывает культурология вопроса?

Россия – страна восточнохристианского происхождения, восточноевропейская. Вследствие этого она не может подчиняться тем внутренним и внешним процессам, которые подталкивают её сползание в глубь Азии. Что такое Россия без территорий по Днестру, без Закавказья, без Прибалтики, но со Средней Азией? Я никого не хочу

обидеть, и пренебрежение к среднеазиатам мне чуждо, как и агрессивные амбиции в отношении тех, кто уже давно созрел для отделения. Я утверждаю только: Россия всегда экономически, политически, стратегически тяготела к Балканам и Ближнему Востоку. Россия – страна восточноевропейской культуры и должна тяготеть к Восточной Европе, Это её нормальное состояние.

Отовсюду слышится вопрос: а что если Россия опять вернется к имперским амбициям? Я бы отве-

тил так: если она вернётся к имперскому сознанию, то честь ей и хвала, а если только к амбициям – тогда плохо. Амбиции – это сугубо территориальные претензии политиков. Гораздо более мощными мне кажутся заявления о том, что та или иная территория – наша земля, и отделяться они могут, оговаривая с нами границы, нормы внутреннего и внешнего поведения. Это было бы спокойной имперской политикой, кстати, уважительной по отношению к соседним этносам.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Александр Рудницкий

Праздник со слезами на глазах

Ничего, русские бабы еще нарожают
маршал Г.К. Жуков

Недавно меня пригласили поговорить с учениками новосибирской школы «№ 56 о Великой Отечественной войне»¹. Чтобы не превращать эту встречу в дополнительный урок, я постарался придать своему сообщению характер личных воспоминаний о фактах и о публикациях, которые было уместно вспомнить. Эти разрозненные, поневоле, факты объединены общими идеями: Великая Отечественная война – подвиг советского народа на фронте и в тылу; потери, которые понес советский народ, неоправданно высоки и определялись абсолютным безразличием вождя мирового пролетариата и всего руководства Советского Союза к ценности человеческой жизни². Отношение к гражданам и памяти погибших в России с советских времен не изменилось. Ряд иллюстраций к обсуждаемым проблемам был приведен в презентации.

Две публикации в последних номерах журнала «Посев» представляются мне особенно важными и даже знаковыми. В «Посеве», № 3, 2009 г. приведен пример человечности и благородства победителей – в нем напечатана подборка А. Тараненко с воспоминаниями о музее Русско-японской войны в Порт-Артуре и памятниках на Русском кладбище, воздвигнутых в 1907 г. японским правительством и японским же «Обществом сохранения памятников войны» для увековечивания славы русских героев, отдавших жизнь «за Веру, Царя и Отечество».

В редакционной статье «Посев», № 2, 2009 г. сообщается о попытке петербургских властей устроить свалку в районе жестоких боев за Синявинские высоты, где прах десятков тысяч советских солдат уже полвека остается неубранным.

Некоторые исторические факты³

Нельзя забывать, что в сентябре 1939 г. Вторую мировую войну Германия и СССР начали в качест-

ве союзников с захвата Польши. Из четверти миллионов поляков, добровольно сдавшихся Красной армии, и их интернированных соотечественников 21 857 человек (в основном, офицеры) по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года «без вызова арестованных и без предъявления обвинения» были приговорены к расстрелу и расстреляны⁴. Одновременно, по личному приказу Гитлера, были арестованы и расстреляны около 3 тысяч наиболее видных поляков – ученых, фабрикантов, общественных деятелей и т. д.

Нацистская Германия 22 июня 1941 г. начала военные действия против своего «союзника» – СССР. Сейчас можно считать установленным, что Гитлер опередил Сталина, готовившего аналогичную операцию.

Имея примерный паритет с немцами по численности войск и превосходство по числу танков в 3,5 раза, самолетов – более чем в два раза, под ударами гитлеровцев Советская армия, несмотря на героическое сопротивление некоторых частей, практически, полностью развалилась. Историки из Минобороны и их подручные этот разгром связывают с неожиданностью нападения немцев и их лучшей вооруженностью. Но в первые же дни войны немцы разбомбили на прифронтовых аэродромах около 2000 самолетов (об этом часто пишут), а около 5000 самолетов были брошены своими экипажами. В 1941 г. около 1 млн. красноармейцев погибло (в обороне!), 3,7 млн. попали в плен, 1,2 млн. дезертировало. Фундамент этого разгрома был заложен лично «лучшим менеджером XX века» Сталиным, уничтожившим практически все руководство Красной армии и двадцать лет терроризировавший население страны.

Из общего числа 5,9 млн. советских солдат и офицеров, попавших в плен за время войны, 5,15

млн приходится на 1941–1942 гг. Только в конце 1942 г. число пленных и сдавшихся противнику стало меньше числа убитых на фронте, и только тогда война приобрела характер отечественной.

70% потерь немецких войск приходится на Восточный фронт. Потери советских войск были неоправданно высоки, они превышали немецкие потери на Восточном фронте в 4,3 раза.

Поставки западных союзников стратегических товаров и сырья, начиная с 1941 г., имели определяющее значение для победы, их военные действия в Тихом океане, в Африке, в Италии, а с 1944 г. открытие второго фронта в Европе внесли значительный вклад в общую победу. Победа над немцами под Москвой стала возможна только благодаря тому, что с Дальнего Востока были привезены свежие дивизии (Япония была занята в Тихоокеанском театре военных действий и в Юго-Восточной Азии).

Фронтовые рассказы

Мой отец ст. лейтенант Лев Мейерович Рудницкий в суровом 42 году два месяца служил офицером связи на передовой. Потом был ранен. Както его послали за пополнением. Пригрозили трибуналом, когда он попробовал отказать вести в окопы больных людей и инвалидов, предложенных ему в качестве солдат. Но обнаружив глухонемого, он возмутился! Товарищи этого бойца пояснили, что тот на всех этапах, начиная с военкомата, умоляет, чтобы его взяли именно на передовую и готов варить еду, шить обувь, стирать... все что угодно, лишь бы быть полезным в окопах. Не все, конечно, так рвались на фронт, но таких безвестных героев было много. И вряд ли была возможна победа без них.

Другой случай произошел уже на передовой. Отец рассказывал о нем задолго до того, как об этом разрешили писать. На болоте между нашими и немецкими позициями проходила железнодорожная насыпь. Немцы поставили два пулемета и пристреляли их поверх рельс. Получив приказ на атаку, командир батальона доложил командованию о ее полной бессмысленности, но ему тоже напомнили про трибунал. С револьвером в руке он поднял батальон в атаку, и все как один они полегли «За Родину! За Сталина!». Мой отец остался жив, так как связь тянуть через рельсы не понадобилось.

Опыт Великой отечественной войны еще раз доказал, что если основными способами управления войсками становятся трибунал и заградительные отряды, то потери даже в обороне в несколько раз превосходят потери противника.

Кстати, при обороне Порт-Артура японские потери были в четыре раза больше русских. Вот что значат прекрасно оборудованные позиции и умелое руководство. А в СССР перед войной были разрушены укрепления, партизанские базы и склады оружия, созданные для прикрытия страны с запад-

ного направления, а затем были уничтожены подготовленные заранее руководители партизанских отрядов. Поэтому уже в ноябре танки Гудериана оказались в 30 км от Кремля.

Военный Ташкент

В прекрасном романе Дины Рубинной «На солнечной стороне улицы», повествующем о моем любимом Ташкенте и ташкентцах, есть замечательный эпизод. Вдова Хадича с четырьмя голодными детьми приютила двух детей, эвакуированных из Ленинграда, и спасла жизнь младшей девочки, погибающей от истощения, выпоив ее каттыком – узбекским кислым молоком. Не сомневаюсь, что Хадича имела реального прототипа. Во-первых, такое не придумаешь. Во-вторых, это в духе узбекского народа, готового поделиться с гостем последним, и не раз спасавшего голодающих, например, в гражданскую войну или во время голода в Поволжье.

Там же приводятся воспоминания о тысячах эвакуированных, забивших привокзальную площадь. Это – первое мое воспоминание. Мне не было и полутора лет, когда мы пришли к поезду – провозжали отца в Самаркандское училище связи. Был пасмурный день. Меня потрясли люди, расположившиеся вместе с вещами прямо на земле. Когда я поделился этими воспоминаниями с почетным председателем новосибирского «Мемориала» Леонидом Трусом, недавно отметившим восьмидесятилетие, оказалось, что их семья, успев в последний момент уехать из Минска, несколько недель жила там, на ташкентской привокзальной площади.

А вот еще одна история. Семья кузнецов Шаахмед Шамахмудова и Бахри Акрамовой усыновили пятнадцать сирот, эвакуированных в Ташкент. Усыновили и вырастили! Всего же в годы войны в узбекские семьи было принято более 4,5 тысяч детей-сирот. Но в 50-е годы, когда я учился в школе, никто об этом не вспоминал – их поступок воспринимался как похвальный, но естественный. А 26 мая 1982 г. на площади Дружбы народов была установлена скульптурная группа (скульптор Д.Б. Рябичев, архитекторы Л.Т. Адамов и С.Р. Адылов) – лучшей аллегорией дружбы народов, чем эта дружная, интернациональная, узбекская семья трудно было придумать. Памятник стал одним из символов Ташкента.

Но теперь дружба народов вышла из моды в Узбекистане, на повестке дня – независимость. И в апреле прошлого года Дворец дружбы народов был переименован во Дворец независимости. Так же переименовали и площадь. А памятник милосердия и гуманности узбекского народа просто снесли, разбив на его месте клумбу⁵. Как видно, в братской республике хорошо сохраняются советские традиции: чтобы увековечить память о себе, не надо строить пирамиды – достаточно смелить вывеску.

Поговорим же об особенностях нашей памяти.

Память о павших воинах

*Своих вождей, вождей чужих
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.*

А.С. Пушкин. «Полтава»

Сопоставление двух публикаций в «Посеве» в этом году произвело на меня неизгладимое впечатление. Редакционная статья в февральском номере сообщила о сражении общественности с петербургскими властями, решившими организовать свалку на месте кровопролитных боев. «Никаких не похороненных солдат в районах Гайталово и Синявино нет, потому что их могилы официально не внесены в перечень официальных захоронений. Следовательно, они не существуют», – строго следуют своей бюрократической логике чиновники из администрации Санкт-Петербурга, для которых бумажки гораздо важнее костей и черепов.

Вандализм власть предержавших манкуртов общественности и прессе удалось приостановить после открытого письма киножурналиста Виктора Правдюка, напомнившего, что по оценкам групп фонда «Поиск» в этих местах было уложено около ста тысяч наших солдат. Наступление против немецких укреплений на Синявинских высотах шло по болоту, забитому мертвыми телами, которые никто не хоронил, как по гати. Прах десятков тысяч жертв посланных на убой солдат до сих пор официально не похоронен. По официальным данным в Синявинской операции участвовало 156927 солдат и командиров. Вышли на восточный берег Мги 3209 бойцов, попали в плен 12270, остальные 141348 воинов в официальные документы не попали, «следовательно, они не существуют».

Подло и цинично в свете этих планов и официальных ответов выглядела развернутая с участием власти в эти же дни в России кампания протестов против переноса на воинское кладбище Памятника воину освободителю и праха советских воинов из центра Таллинна.

Надпись над входом извещает посетителей: «Сие кладбище устроено по Высочайшему Повелению Правительством Великой Ниппонской империи в октябре 1907 года, и тут покоится прах усопших русских военных...». На памятнике, установленном правительством Японии, надпись: «Здесь покоятся бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите крепости Порт-Артур», над входом в часовню – «Русским героям от самураев». Не менее почтительны надписи на других памятниках: «Здесь, не щадя себя, русские солдаты стояли насмерть до последнего солдата...». Отдельных почестей удостоены адмирал Макаров и командующий японским флотом адмирал Хэйхатиро Того. Особо почетное место в музее занимает герой обороны Порт-Артура генерал Р.И. Кондратенко. Недалеко от его памятни-

ка находится монумент погибшему здесь сыну адмирала Того. Построив этот мемориальный комплекс, японцы почти сорок лет тщательно ухаживали за ним. Нашлось на этом кладбище и место для памятника от русского правительства с надписью: «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артура 1904-1905 гг.» Чтобы правильно оценить благородство победителей, следует помнить, что доблесть русских воинов дорого обошлась японскому народу – русские потеряли здесь 27 тысяч человек, а японцы – 112 тысяч.

Позиция императорской Японии была сформулирована в отчете об устройстве русских кладбищ: «Бранные останки неприятельских воинов, павших по несчастной судьбе на полях сражений, безразлично, как и свои же, должны быть преданы земле, тем более что бывшие враги превратились в друзей. Делается это для поощрения преданности Государю и распространения правил человеколюбия. Поэтому Великое Ниппонское Императорское Правительство приказало коменданту крепости Порт-Артура разыскать зарытый наскоро в различных местах крепости прах русских воинов, павших за Веру, Царя и Отечество, и похоронить их с почестями на русском кладбище у подошвы горы Ансисан, где и соорудить общий для русских воинов памятник, который да послужит надолго почестью душам умерших воинов и прославит навек их самоотверженную храбрость».

Все почитают память погибших. Диктатор Франко в честь 20-летия победы над коммунистами воздвиг мемориал «Всем испанцам, погибшим...». В России в связи с 200-летием победы под Полтавой, возведен памятник «Шведам от русских», на котором на русском и шведском языках написано: «Вечная память храбрым шведским воинам, павшим в бою под Полтавой 27 июня 1709 г.»⁶. Рядом находится шведский памятник своим соотечественникам. На мемориале Бородинского поля возведены памятник всем участникам битвы под Бородино и памятник воинам великой армии. На Малаховом кургане в Севастополе над братской могилой русских и французских воинов в 1872 г. возведен крест. Во всем мире принято чтить память погибших, и никто не воюет с мертвыми. Японский мемориал выделяется только масштабом и глубиной чувств его создателей. Но есть исключения.

И вновь продолжается бой

Памятник русским воинам, павшим в Русско-Японскую войну, возведенный японцами в Корсаково (Южный Сахалин), был разрушен в 1945 г., как только в него вошли советские войска⁷. Красных политруков смущали, по-видимому, два обстоятельства – памятник русским воинам был воздвигнут японцами – проклятыми самураями, как тогда было принято говорить, и русских солдат, сложивших свою голову за Веру, Царя и Отечество, они считали белогвардейцами. В общем, граждан-

ская война в нашем обществе не окончена до сих пор, и классовая борьба обостряется.

В состав японского «Общества сохранения памятников войны» вошли высшие чины японской армии, правительства и местной японской администрации. Почему бы высшим чинам нашей армии не озаботиться преданием земле всех погибших на нашей земле более полвека назад? Почему бы этой проблемой не озаботиться главнокомандующему или хотя бы министру обороны?

У бесчеловечной советской власти не было проблем с человеколюбием и гуманностью – они были объявлены буржуазными предрассудками. Руководство демократической России не изменило этих традиций. Я не говорю о кладбищах – повсеместно ставших любимыми объектами строительства доходных развлекательных комплексов. Где у нас хотя бы один памятник всем погибшим в гражданской войне – белым и красным – у каждого из них была единственная жизнь и одинаково красная кровь. Они все еще враги? Гражданская война, как началась в 1917 году, так и продолжается (с разной интенсивностью). Пока память всех ее участников не будет достойно увековечена, она не может закончиться. Всегда найдутся желающие предъявить претензии усопшим. Точно так же для окончания II мировой войны надо достойно предать земле всех непогребенных ее участников, не разделяя на правых и виноватых. А пока на Красной площади стоит мавзолей с мумией величайшего человеконенавистника XX века. Чтобы расстаться с прошлым, их тоже следует достойно похоронить.

Да что уж прах врагов. Сегодня, 23 апреля 2009 г., группа школьников выехала из Новосибирска собирать останки воинов, уже полвека числящихся в списках Министерства обороны пропавшими без вести – почти предателями родины. А у государства, у власти перед ними нет никаких обязательств? И никогда не было? А еще через полвека нравственное чувство молодежи возрастет настолько, что школьники будут собирать кости и медальоны немцев, японцев или невинных жертв ГУЛАГа?

Президенты России регулярно обещают в ближайшие годы полностью решить проблему с жильем **всех** ветеранов Великой Отечественной войны. Правда, эти годы год за годом отодвигаются, а ветераны постепенно умирают. Какой нравственной тупостью надо обладать, чтобы не стыдиться публично раздавать подобные обещания. И ожидать признательности от людей, рисквавших жизнью и здоровьем для защиты отечества и этого государства. Государства, эксплуатировавшего их десятки лет после войны и не посчитавшего нужным под старость лет обеспечить их жильем по позорным нормам? Зато регулярно обещает сделать это в ближайшие годы для самых живучих, отлично понимая, что дни их уже сочтены.

Представляю, какой многомиллионный банкет закатят в Кремле, когда последнему ветерану Великой Отечественной войны вручат ключ от отдельной комнаты или даже от однокомнатной квартиры. Если, конечно, он не отойдет в мир иной по дороге на процедуру вручения ключа. Главное, конечно, все рассчитать так, чтобы проблему обеспечения жильем всех фронтовиков окончательно решить с помощью единственной квартиры. Еще лучше, если окажется, что этот ветеран служил в заградотряде. Здесь не обойтись без специальной государственной мудрости и ловкости.

¹ Благодарю Ирину Анатольевну Погосян за организацию этой встречи.

² Заметим, что в российской традиции – ставить интересы государства выше интересов подданных, но только коммунисты, и, прежде всего, советские коммунисты, довели ее до абсурдного предела, «в интересах победы пролетариата», приравняв ценность человеческой жизни к нулю.

³ Большинство фактов и цифр, приведенных ниже и в презентации, взяты из книги Б.С. Пушкарева с соавторами «Две России XX века. 1917–1993», М., «Посев», 2008 г. На другие я ссылаюсь по тексту.

⁴ До 1990 г. СССР утверждал, что расстрел польских офицеров – преступление нацистов.

⁵ А.Л. Рудницкий. Клуба президента Каримова, <http://arudnitsky.livejournal.com/27007.html>.

⁶ На существование русского памятника шведам в мемориале участникам Полтавской битвы обратила мое внимание Елена Александровна Куклина.

⁷ Об этом факте сообщил мне Сергей Сергеевич Правдин, который в детстве жил в Корсаково.

Андрей Пуговкин

Катынский Колокол

В истории каждой страны есть страницы, которые принято считать эпизодами национального позора. В Германии такой страницей считается Холокост, а во Франции и Великобритании – Мюнхенский сговор с Гитлером. В 1938 г. В США многие считают таким эпизодом атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Признание собственной вины не относится к числу традиционных российских добродетелей. Но если бы вдруг возникла потребность обозначить такую страницу в новейшей истории нашей с вами страны, ответом на нее стало бы написанное во весь лист кровавыми буквами слово «ПОЛЬША».

Кто начал II мировую?

Восстановление Польского государства, поделенного в конце XVIII века между Россией, Австрией и Пруссией, гарантировалось всеми участниками I Мировой войны – Германией, Австрией и странами Антанты, включая Россию, о чем специ-

ально говорилось в одном из последних манифестов Николая II. Эти гарантии запоздали, новое государство было провозглашено «явочным порядком» на развалинах Австрийской, Германской и Российской империй. Его существование было санкционировано Версальским договором. Большевики, как известно, не признавали версальских договоренностей. При первой же возможности, в 1920 году они перенесли Гражданскую войну на территорию молодого государства.

Не стоит идеализировать польских националистов: вопреки историческим реалиям, они мечтали о восстановлении Речи Посполитой в границах XVII века. Но их экстремизм выглядел местечковой кустарщиной по сравнению с амбициями большевиков. Те пытались распространить пожар «мировой революции» через Польшу на разоренные мировой войной страны Западной Европы.

Для начала в Белостоке организовали польский «Временный революционный комитет» во главе с Ф. Дзержинским и Ю. Мархлевским. Он находился в обозе частей Красной Армии, возглавляемых М. Тухачевским, И. Сталиным, и С. Буденным, которые дошли до окраин Варшавы, где и были наголову разбиты. О том, что это было за воинство, можно судить по автобиографической повести писателя И. Бабеля «Конармия» и опубликованным письмам будущего маршала М. Тухачевского, который без обиняков называл вверенное ему войско «сбродом». Ленинскую мечту о покорении Берлина и Парижа пришлось отложить на неопределенное время. «Наша армия сделала великое дело... Она приняла на себя удар, отвратила красную нечисть от Европы». Эти слова генерала П. Врангеля следуют по справедливости отнести не только к российской Белой Армии, но и к легионерам Ю. Пилсудского.

У Сталина была цепкая и недобрая память уголовного. Варшавский конфуз потом годами тревожил сознание «вождя народов» и его подручных. Несомненно, это субъективное обстоятельство сыграло роль, когда пактом «Молотов-Риббентроп» советское правительство развязало руки нацистам. 1 сентября 1939 года германские войска пересекли польскую границу. Началась Вторая мировая война. А 17 сентября на Польшу с тыла напала Красная Армия. Сомнения в безупречности и бескорыстии сталинского «антифашизма» у думающих людей возникли именно тогда, когда советские войска ударили в спину героически сражавшейся польской армии. Это было одной из советско-германских договоренностей, наряду с выдачей гестапо сотен немецких антифашистов и гарантиями поставок в Германию продовольствия и стратегического сырья.

Как говорилось в советско-германском коммюнике от 19 сентября, цель советского вторжения состояла в том, чтобы «восстановить мир и нарушенные вследствие распада Польши порядок». Польское государство нарком иностранных дел В.

Молотов публично назвал «уродливым порождением Версаля». Между тем, на момент советского вторжения она продолжала героическое сопротивление. Немецкие войска несли тяжелые потери, а Варшава пала только 28 сентября. Войско Польское, отступавшее с упорными боями, выглядело ничуть не хуже, чем, например, РККА осенью 1941 года.

Во всем мире «освободительный поход» 1939 года считают вступлением СССР во II Мировую войну на стороне гитлеровской Германии (помню изумление моих однокурсников, которые в 1970-х вычитали это в Британской энциклопедии, что стояла на свободном доступе в университетской библиотеке). Советские радиостанции обеспечивали целеуказания германским самолетам, бомбившим польские города, советские артиллеристы корректировали стрельбу немецких батарей. Вести войну на два фронта Польша не могла. На восточном направлении произошли только отдельные столкновения польских и советских войск (в одном из таких боев под Перемышлем был ранен будущий командующий польскими войсками в Италии генерал В. Андерс).

Армии союзников встретились в Бресте, подавить оборону которого гитлеровцы смогли во многом благодаря советским корректировкам своего артиллерийского огня. Победу отпраздновали совместным военным парадом. Затем был подписан договор «О дружбе и границах», который зафиксировал раздел совместно оккупированной страны. На территории, занятой советскими войсками, оказались 230 тысяч польских военнослужащих, в том числе, 15 тысяч офицеров (в документах тех лет они проходили как «военнопленные»). Только 82 тысячи из них дожили до 1941 года...

Офицеры и генералы были размещены в Козельском и Старобельском «специальных офицерских лагерях». В Старобельском лагере, кроме того, содержались крупные государственные чиновники, десятки профессоров, доцентов и преподавателей высших учебных заведений, несколько сотен инженеров, 12 армейских католических капелланов и главный раввин Войска Польского. На положении военнопленных там же находилось около 400 врачей, что само по себе являлось нарушением Женевской конвенции. В третьем лагере, близ Осташкова, содержались служащие польской полиции, жандармерии, пограничной службы и тюремной охраны.

Преступление без наказания

Прошло полтора года. 15 июля 1941 года германские войска ворвались в Смоленск. Органы советской власти покидали город в такой панике, что бросили даже архив обкома партии. А у гитлеровцев было обыкновение разыскивать места массовых захоронений жертв НКВД и производить эксгумацию для демонстрации местным жителям. Пропагандистский эффект это производило безотказный.

На сей раз результаты вскрытия обнаруженных под Смоленском братских могил были таковы, что заставили оккупационные власти привлечь к изучению этих и других захоронений Международный Красный Крест. В марте 1943 г. было обнаружено заключение: в Катynи под Смоленском, у деревни Медное Калининской области и в 6-м квартале лесопарковой зоны под Харьковом похоронены расстрелянные весной 1940 г. органами НКВД офицеры и военные чиновники польской армии. В общей сложности, жертвами массовых убийств, совершенных во исполнение опубликованного впоследствии решения Политбюро ЦК ВКПб от 5 марта 1940 г. стало не менее 21 857 человек. Это означает, что органы НКВД нанесли урон странам антигитлеровской коалиции в размерах офицерского состава примерно 20 дивизий польской армии, продолжавшей в изгнании вести войну с нацизмом. Многие родственники погибших имели несчастье оказаться на территории, занятой Красной Армией. Практически сразу после массовых расстрелов они, вместе с тысячами других этнических поляков, также подверглись репрессиям.

Попытка находившегося в эмиграции польского руководства разобраться в случившемся привела к немедленному разрыву дипломатических отношений со стороны СССР. Вскоре после этого, 4 июля 1943 года, премьер-министр польского правительства в изгнании генерал В. Сикорский при странных обстоятельствах погиб в авиакатастрофе.

Советскую комиссию по расследованию «Катынского дела» возглавил В. Меркулов – тот самый, который осенью 1939 г. руководил операцией по «выявлению и изоляции вредных элементов» в Польше, а затем массовой «чисткой» в Западной Украине. В 1940 г. он входил в состав «тройки», занимавшейся подготовкой и утверждением расстрельных списков тех самых пленных польских офицеров и осуществлял главное руководство всей операцией. Нетрудно предположить, каким образом генерал НКВД «расследовал» действия самого себя. Потом, для приличия, руководителем комиссии назначили известного нейрохирурга Н. Бурденко. Он и подписал заключение, которое стало позорнейшей страницей в истории отечественной судебной медицины. Судя по опубликованной переписке, у пожилого академика, участника русско-японской и I Мировой войн, просто не укладывалось в голове, что его соотечественники могут быть способны на столь подлое зверство.

Заключению «комиссии Бурденко» никто на свете не поверил, а в каждом польском костеле висит мраморная или бронзовая доска в память невинно убиенных соотечественников. Когда наступили перестроечные времена, ответственность за совершение данного преступления, согласно сообщению ТАСС от 13 апреля 1990 г. взяла на себя советская сторона. Польскому руководству были переданы списки расстрелянных и некоторые другие документы НКВД. Президент РФ Борис Ельцин 25

августа 1993 г. принес извинения польскому народу. До сих пор, однако, не утихают старания, вопреки фактам, «списать» расстрел военнопленных на немцев (см., например, альманах «Лубянка», вып. 6, 2007 г.), или любым другим способом снизить общественный интерес к этому делу.

13 июля 1994 г. руководитель следственной группы Главной военной прокуратуры России А. Яблоков вынес постановление о прекращении уголовного дела по катынскому преступлению «за смертью виновных». Согласно этому постановлению Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Калинин, Каганович, Берия, руководители и сотрудники НКВД, исполнители расстрелов были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных уставом Нюрнбергского трибунала. К ним относятся преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Но уже через три дня, 16 июля 1994 г. Главная военная прокуратура и Генпрокуратура РФ отменили это постановление и передали «дальнейшее расследование» другому прокурору.

21 сентября 2004 г. Главная военная прокуратура РФ снова прекратила дело «за смертью виновных», сделав это в тайне от общественности. А в марте 2005 г., главный военный прокурор РФ А. Савенков объявил секретными большинство материалов расследования, включая само постановление о прекращении дела и персональный состав виновных сотрудников НКВД. Неоднократные попытки родственников погибших опротестовать эти решения в судах различной инстанции успеха не имели. Потерпела неудачу даже попытка «реабилитации» расстрелянных военнопленных, хотя эти жертвы умышленного массового убийства вряд ли в ней нуждаются.

Истинная причина упорства доперестроечных советских, и постельцинских российских властей в попытках любым способом отделаться от катынской истории заключается в том, что убийство пленных является не эпизодом политических репрессий, и не актом геноцида, а одним из военных преступлений, совершенных высшим руководством СССР в годы II Мировой войны. Признание в совершении таких преступлений с точки зрения советских и постсоветских казенных патриотов намного страшнее нынешнего позора и потери лица в глазах мировой общественности. Недавним проявлением этого страха стало недопущение в российский прокат художественного фильма «Катynь» знаменитого режиссера А. Вайды, отец которого погиб от рук чекистов в 1940 году.

Предлагаемое российскому народу официальное отношение к собственной истории заключается в гордости за имперскую и советскую «державность», оправдании всего, что можно хоть как-то оправдать и отрицании всего, что оправдать никак невозможно. Это оборачивается кощунством: «гордость» за всю, без разбора, отечественную историю приводит к тому, что под ярлык «наше общее слав-

ное прошлое» вместе попадают, например, катынское преступление и героическая оборона Брестской крепости.

От Нюрнберга до Гааги

Жертвами военных преступлений в СССР нередко оказывались и собственные граждане. Сталинские депортации и массовые убийства по этническому признаку, в том числе, например, «польская операция» НКВД в 1937–1938-х годах в ходе которой было расстреляно не менее 111 093 советских граждан польской национальности, признаны и осуждены как проявления политического террора. Однако, депортации чеченцев, ингушей, балкарцев и представителей других кавказских народов в 1944 г. обеспечивались не силами НКВД, а снятыми с передовой боевыми частями. То же самое касается высылки в Сибирь 30 тысяч ингерманландских финнов из зоны ответственности Ленинградского фронта в 1942 г. Участие в подобных «боевых действиях» кадровых войск, безусловно, делало эти акции военными преступлениями. Такой вывод следует из основополагающих документов, составленных, кстати, при советском участии: уставов Международных трибуналов и Закона Контрольного Совета для Германии от 5 июня 1945 г.

Руководство СССР в годы войны и само рассматривало массовые репрессии по этническому признаку как военные операции. Не случайно руководителей «чечено-ингушской» депортации маршала Советского Союза Л. Берия и генерал-полковника В. Абакумова наградили за нее полководческими орденами Суворова I степени, как если бы они освободили город Грозный от германской оккупации. Особо был отмечен генерал-полковник Б. Кобулов: за операцию по выселению чеченцев и ингушей его тоже наградили орденом Суворова I степени, затем – орденом Красного Знамени за операцию по депортации из Крыма татар, болгар, греков и армян, орденом Отечественной войны I степени – за руководство выселением турок, курдов и хемшинов из Грузии.

Напомним, что точно такой же состав военных преступлений привел в Нюрнберге на виселицу германских военачальников такого же ранга – фельдмаршала В. Кейтеля и генерал-полковника А. Йодля. Осудили этих, а также других германских генералов не за то, что они проиграли войну, а за то, какими методами они ее вели. Некоторых советских военных преступников, в том числе, Абакумова, Кобулова, Берию и Меркулова, после смерти Сталина тоже расстреляли; другие как, например, генералы П. Судоплатов и Н. Этингон, отбыли длительное заключение. Судили их, однако, не за реальные военные преступления, а по липовым обвинениям, в том числе, в шпионаже и «заговоре с целью захвата власти».

Военные преступления не имеют срока давности и существуют все правовые основания для проведения следствия по ним и в настоящее время. Обыч-

ная в таких случаях отговорка об отсутствии за давностью лет живых потенциальных обвиняемых неубедительна. В соответствии с прецедентом Нюрнбергского трибунала, суд может дать квалификацию действий не только физических, но и юридических лиц – например, государственных учреждений и других организаций, официальные и влиятельные правопреемники которых сейчас функционируют в России. Не потому ли в отечественных энциклопедиях странным образом отсутствует статья «Военные преступления», а стенограмма Нюрнбергского процесса так и не была полностью опубликована на русском языке? Впрочем, как показывают прецеденты вроде пресловутого дела полковника В. Буданова, современная российская юстиция вообще не способна оперировать подобными категориями.

Тем временем история войны на глазах превращается в вотчину неосталинистов и объект политического мародерства. Достаточно вспомнить инквизиторский психоз по поводу школьных учебников и общей концепции преподавания истории России или запредельную по конъюнктурному цинизму «парламентскую дискуссию» о статусе Знамени Победы. Можно себе представить, что сказал бы по поводу проявлений депутатского патриотизма водрузивший этот флаг над Рейхстагом отставной сержант Мелитон Кантария. Эпилог жизни престарелого героя битвы за Берлин, умершего в конце 1993 года на положении беженца, прошел под российскими бомбежками и артобстрелами в осажденном Сухуми. Впрочем, ему, в отличие от многих других грузинских ветеранов, все же посчастливилось выбраться оттуда до начала резни, устроенной захватившими город абхазскими сепаратистами при попустительстве российских войск. Произведенная тогда «этническая чистка» тоже была военным преступлением. Кстати, недавно один высокопоставленный российский генерал, лично и по полной программе «отметившийся» в тех событиях, предложил сажать в тюрьму всякого, чье мнение о роли СССР во II мировой войне отличается от его собственного. Это не совпадение, не случайность, а страх перед «призраком Гааги», помноженный на типичную для российских силовиков боязнь «неконтролируемых ассоциаций».

«Пока есть лоскут на мачте...»

Значительная часть польских военнослужащих все же избежала плена. Вместе с уцелевшими в советских лагерях, эти польские солдаты фактически выполняли роль элитного спецназа британских войск, участвуя в самых героических эпизодах войны на Западном фронте – боях под Дюнкерком (Франция), Нарвиком (Норвегия), Тобруком (Северная Африка), Монте-Кассино (Италия), Арнемом (Голландия). Польские военные корабли, прорвавшиеся через морскую блокаду, участвовали в проводке северных конвоев и высадке союзников в Нормандии. Полностью оккупированная Польша

годами держала под ружьем на разных фронтах около полумиллиона солдат. Это – небывалый случай в истории войн.

Из части уцелевших в СССР польских пленных, а также советских военнослужащих польского происхождения была сформирована сначала дивизия, а затем 1-я армия Войска Польского. 2-я армия была укомплектована позднее при мобилизации в освобожденных районах страны. Воевали эти формирования в составе Красной Армии вплоть до взятия Берлина. Подчинялись они не лондонскому правительству в изгнании, а просоветским группировкам в Москве.

Раскол наблюдался и в партизанском движении. Отряды «Армия Крайовой» подчинялись правительству в изгнании, а «Гвардия Людова» – коммунистам из Москвы. Когда Красная Армия в августе 1944 г. вышла к Висле и заняла Прагу – варшавский пригород на восточном берегу, в городе началось восстание, организованное по призыву эмигрантского правительства. В течение двух месяцев советские войска, вопреки союзническим обязательствам, безучастно наблюдали с противоположного берега Вислы за агонией восставшего города. На выручку ему не были брошены даже находившиеся на том же участке фронта части Войска Польского. Западным союзникам было отказано в аэродромах для переброски под Варшаву польских войск с Западного фронта. В результате город был полностью уничтожен. Трагизм ситуации усугублялся тем, что зачистку варшавских кварталов проводили подразделения 29-й (русской) дивизии СС и казаки формирования. Потом 29-я дивизия была расформирована за небывалые даже по эсэсовским меркам зверства по отношению к местным жителям. Часть личного состава передали в подчинение генералу А. Власову. (Появление этих вояк в расположении власовцев чуть не привело к бунту; по рассказам очевидцев, некоторых особо «отличившихся» в Варшаве без лишних разговоров пристрелили).

В 1945 году Сталин добился того, что Польшу не включили в число держав-победительниц II Мировой войны. Тем не менее, командующий польскими войсками на Восточном фронте маршал М. Роля-Жимерский был награжден наравне с Б. Монтгомери и Д. Эйзенхауэром высшим советским военным орденом «Победа».

После окончания войны Польскому государству, «передвинутому» путем изменения границ, на несколько сот километров к западу, было навязано просоветское коммунистическое правительство. Антифашисты из Армии Крайовой оказались на положении военнопленных в тех же самых советских лагерях, где содержались немецкие солдаты – например, близ деревни Егла в Новгородской области. Польской армией командовал советский маршал К. Рокоссовский, в административном аппарате ключевые посты заняли партийные чиновники, приехавшие из СССР. При их участии в стране развернулись политические репрессии, передел собственности и еврейские погромы. Неоднократно, в 1950–1970-х годах Польша становилась ареной массовых антикоммунистических волнений. Просоветский режим постепенно выдыхался и, в конце концов, рухнул. Сейчас демократическая Польша – член НАТО и Европейского Союза.

Вступая в должность, первый демократически избранный польский президент Л. Валенса демонстративно принял полномочия не от последнего коммунистического, а от эмигрантского правительства в Лондоне. Тем самым он как бы вывел за скобки коммунистический режим с его ошибками и преступлениями. Такое решение давало возможность начать отношения со всеми, включая Россию, заново, с чистого листа. Эта задача не устарела, она соответствует и долгосрочным интересам России. От нового поколения российских политиков в будущем потребуются не так уж и много – официально отмежеваться от советского прошлого, перестав упрямо и малодушно цепляться за него.

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Игорь Ушаков

К 90-летию со дня гибели генерала М.Г. Дроздовского

Эпоха Гражданской войны в России запечатлелась в многочисленных художественных произведениях, прежде всего – в стихах и песнях. Созданные разными по дарованию, чаще всего самодельными авторами, произведения эти воплотили в себе чувства, мечты, идеи и лозунги противостоящих сил. При этом процесс художественного

отражения действительности, особенно в начальный период борьбы, – отличался совпадением используемых противостоящими сторонами творческих приёмов. В музыке одним из таких приёмов стало обращение к народному песенному творчеству, в частности, – использование наиболее популярных песен для создания их новых подтекстовок. Поэтическое же творчество было более оригинальным, прибегая, в основном, к образным заимствованиям.

* Автор – художественный руководитель Мужского Хора «Валаам».

После установления в России большевистского режима, песенно-поэтическое наследие Белой армии стало одним из средств идейно-политической консолидации сил Русского Зарубежья. В самой же России это наследие, как воплощающее разрушительные для правящей власти идейные принципы, на долгие десятилетия было предано забвению. Однако оно всегда сохраняло своё непреходящее национально-культурное и духовно-нравственное значение. Созданное русскими по духу, воспитанию и убеждениям людьми, оно выразило и воспело их представления о чести, преданности долгу, мужестве, стойкости и истинной любви к Отечеству. Без знания этого высокого духом наследия нет и не

может быть правдивого знания о Государстве Российском, о его народе и его истории.

Пришедшаяся на 2009 год годовщина – 90-летие со дня гибели **генерала Михаила Гордеевича Дроздовского** – ещё один повод прикоснуться к этой великой истории. Именно Дроздовский, в характере и мировоззрении которого соединились типичные качества и черты Русского Офицера, стал романтическим *образом* идеального героя Белого Воинства. И наиболее точным выражением сущности этого образа стало нарицательное имя «*Рыцарь*». Но, в отличие от западно-европейских рыцарей, совершавших свои подвиги во имя любви к Прекрасной Даме, русские рыцари долга и чести времён Гражданской войны сражались во имя идеи спасения Отчизны от новой Смуты, жертвовали жизнью ради восстановления русской государственности – той, без которой была немыслима их жизнь. Не случайно сподвижник Дроздовского – А.В. Туркул писал: «**Наш командир был живым средоточием нашей веры в совершенную правду нашей борьбы за Россию**».

Сам Михаил Гордеевич полностью осознавал трагизм исторического момента. 24 марта 1918 г. он записал в своём дневнике: «**А в общем страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит она в нравы, какую смертельную злобой и мстостью пронизывает сердца...**». Но, верный присяге и офицерской чести, Дроздовский мужественно и без колебаний прошёл свой земной Крестный путь, оставшись в памяти современников истинным *Рыцарем Белого Воинства*. Он не мог поступить иначе. Потому что всегда был верен своему девизу:

«**Чем больше сомнений, тем смелее вперёд по дороге долга**».

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Святослав Иванов

Формула русской истории, или,

НУЖНА ЛИ НАМ БЕДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

В журнале «Посев» (№ 2 за 2009 год) Валерий Сендеров опубликовал любопытную статью под витиеватым названием «Несколько относительно новых слов о демократии и о России». В небольшой работе автор рискнул исследовать «глубинные метаисторические предпосылки демократии в русском и западноевропейском мирах». Отдавая дань смело-

сти Сендерова, штурмующего столь глобальную проблему, признаем, что его текст не столько даёт исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, сколько в хорошем смысле провоцирует, если не возражения, то, по крайней мере, на дальнейшие рассуждения. Собственно это и стало причиной появления и моих заметок на заданную тему.

Итак, о чём говорит Валерий Сендеров. Отрицая последовательно три концепции относительно спо-

* Автор – житель Воронежа.

способности нашей страны сдать экзамен на демократичность, – мы такие же, как все; мы другие, и это зло; мы особые и это благо, – автор останавливается всё-таки на признании того факта, что у России «путь во многом особый». При этом, концепция «особого пути» – опасная концепция, оговаривает автор и подчёркивает, что Россия на своём историческом пути, конечно, блуждала по-особому, но всё-таки не по «евразийской пустоши», а в лоне континента «Европа». Доказательство тому – наша великая русско-европейская культура XVIII–XIX веков. Другими словами, Сендеров, по сути, повторяет известное выражение Тургенева, что Россия ничем не отличается от своих сестёр, европейских стран, только разве что «задница у неё пошире будет».

Но дальше Сендеров, конечно, речь ведёт не о широте этого самого места, а об одном более существенном качественном различии нашей и европейской истории. Он справедливо утверждает, что «предпосылкой демократии служат обычно конфликты горизонтальные». Европейское «слоистое» общество вынуждало его членов договариваться. Это и стало предпосылкой развития парламентаризма. И наоборот, гомогенное русское общество, бесконфликтное по горизонту, управляемое сверху, рождало лишь вертикали. «В мышлении, в социальном устройстве, в религиозном чутье...» При этом, Сендеров как-то вскользь, сознательно избегая названия всяческих «русских особенностей», отмечает разницу в плотности населения Европы и России. У них города – в каждом квадрате территории 10 на 10 километров, у нас города – форпостные острова в безбрежной степи. Но география для автора лишь одна из метафизических предпосылок наличия кардинальной разницы в развитии Европы и России.

И вот какой оригинальный вывод делает автор. Исходя из того, что «демократия России всё-таки сегодня необходима», Сендеров предлагает крепить горизонтальный диалог общества с обществом. Озабоченному судьбой демократии в России Сендеров советует: чтобы его рассуждения на демократические темы звучали внушительно, для начала он должен добиться того, чтобы лифт в его подъезде «не превращался в сортир». Автор полагает, что, крепя горизонтально-демократические контакты, можно приблизить торжество демократии в России.

Любопытно, что почти одновременно с выходом в свет статьи Валерия Сендерова, нелюбимый им евразиец Александр Дугин в «Литературной газете» в статье «Расизм на экспорт» заклеил бывшего президента США Джорджа Буша за то, что последний якобы в «антироссийском угаре» заявил буквально следующее: «Россия генетически не способна к демократии». Дугин называет современным расизмом стремление Вашингтона игнорировать всё то, что не вписывается в рамки американского представления о мире. И дядюшка Сэм не церемонится с препятствиями на пути триумфального шествия по планете демократии на американский манер...

Честно говоря, меня не тронул ни призыв Валерия Сендерова записаться волонтером демократии малых дел. И я завтра не побегу после ужина к соседям создавать Совет подъезда. Не потому, что считаю это дело бесполезным. Просто не верю, что из этого вырастет цветущее древо российской демократии. Не тронули меня и стенания Дугина по поводу американского расизма. Всякая страна по-своему отстаивает свои интересы в мире. И любая экспансия имеет то или иное идеологическое прикрытие. Было бы странно, если бы самая могущественная страна в мире, вела себя по-вегетариански без высокомерия и лицемерия. Мне не нравится, что у обоих авторов посылом к рассуждениям на тему демократии в России является чувство некоей неполноценности. Сендеров почти прямо признаёт, что демократия наша неразвита и убога. Ну а тот факт, что Дугина сильно задела слова Буша, говорит и о его переживаниях по поводу нашей демократической неполноценности. Если есть обида, значит, есть и причина для обиды.

А мне в связи с этим вспоминается недавний московский семинар для журналистов организованный Центром защиты СМИ. В его рамках у нас, участников семинара, состоялась доверительная беседа с московским корреспондентом одной из крупнейших газет Великобритании. Проработав в нашей стране около десяти лет, этот английский корреспондент итальянского происхождения очень просто объяснил суть наших разногласий с европейским миром. «Знаете, – говорил он. – Проблема в том, что вы белые и похожи на европейцев. Поэтому Европа и ждёт от России, как ей кажется адекватного поведения. Они не понимают, что на самом деле вы другие. Отсюда и обиды, и разочарование, и непонимание. Вот к китайцам Запад не предъявляет таких претензий, потому что осознаёт, насколько они отличаются».

Почему бы нам действительно наконец-то не осознать, без всяких экивоков и ужимок, что мы другие. Не лучше и не хуже тех же американцев, но другие. И у нас другая формула истории. Почему бы не прислушаться к словам нашего национального гения. В неопубликованной рецензии на второй том «Истории русского народа» в августе 1830 года Пушкин высказал свое глубокое убеждение в том, что «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; что история её требует другой мысли, другой формулы...» Другими нас сделала не только география. Хотя и трудно переоценить влияние на характер нашего народа огромного пространства, кормящего в терминах Льва Гумилёва ландшафта... Недаром умнейший наш поэт-философ Фёдор Тютчев в одном из писем обмолвился, что наш главный враг – пространство. Но, добавил бы я, оно же является и главным нашим другом. И в любом случае глупо отрицать присутствие и мощное влияние пространственного фактора даже в современной русской жизни. Скажем, в этом году правительство впервые дотирует стоимость авиабилетов для жите-

лей Сибири и Дальнего Востока. Ведь многие наши соотечественники в буквальном смысле живут на краю земли без надежды увидеть не то, что столицу своей родины, но и просто обнять своих родных. Напомню, что 17 процентов территории нашей страны расположено за Полярным кругом. География это и климат. На скудных землях Центральной России с коротким летом, как доказывают учёные, наши крестьяне не получали товарного хлеба и поэтому уходили с этой земли в поисках лучшей доли. И крепостное право в буквальном смысле спасло русское государство от разброда. Но и воспитало в русском стремление к воле вольной.

Другим мощным формообразующим фактором для нас стало Православие, воспринятое от Византии. Напомним, что в свою очередь формообразующими принципами византизма являются – императорская власть и христианская вера. Эти две силы, внутренне чуждые полисному миру Древней Греции, создали особый мир. Очень ярко и подробно об этом пишет Сергей Аверинцев в книге «Другой Рим». «Маленький человек был почти без остатка включен в абсолютистскую государственную систему, и обязывался к послушанию не за страх, а за совесть, и притом от имени религии; он искренне преклонялся пред магическим ореолом власти, и всё же вера сохраняла ему сознание, что он покорен власти не ради неё самой, не только из страха перед казнью или преклонения перед силой, но ради своего Бога, который будет судить эту власть наравне с ним самим. Он знал и то, что, когда, будет совсем плохо, он может уйти в монастырь, в скит, в пустыню – и там отдать себя под власть таких начал, перед лицом которых мирская власть ничтожна и презренна». Когда русского мужика упрекают в том, что его бунт всегда бессмысленный и беспощадный, как раз не учитывают этой особенности. Русскому не нужна справедливость для себя, в интересах своего класса или сословия. Ему нужна одна правда, правда для всех. Поэтому и бунт его направлен против всей системы власти. Такие конфликты по вертикали не способствовали развитию демократии. Но они отрезвляли обе стороны, выправляли, в конце концов, то, что нуждалось в правке. И ещё об отличии христианского Запада и христианского Востока. Известно, что у католиков и протестантов, главный церковный праздник – Рождество, а у нас – Пасха. Рождество Христово есть Боговоплощение. Бог во-человечился. И именно человек стал на Западе, точкой отсчета и мерилем всего. Пасха и Воскресение призывают равняться не на себя, а на Христа, на идеал. В «рождественском» христианстве главное событие – факт уподобления Бога человеку, в «пасхальном» – призыв Христа к человеку уподобиться Ему. Своё понимание христианства помогло европейцам обустроить земной град, создать мощную цивилизацию. А Россия стала страной Небесного Града, страной с высокими идеалами. Единственной страной в мире по замечанию Рильке, которая «непосредственно граничит с Богом».

А теперь собственно о демократии. Иван Ильин в работе «О демократии» гениально угадал, что в современном мире будет преобладать политическое течение, которое он обозначил как «фанатизм формальной демократии». Ильин предупреждал, что демократический строй далеко не всегда и не везде уместен. Он имеет свои необходимые основы или «предпосылки». Если нет их налицо, то ничего, кроме длительного разложения и гибели, демократия не дает. Ильин подчёркивал, что напрасно было бы указывать нам на историю западных народов. Уже в силу одного того, что это была иная история. И особенно в силу того, что то, что одному народу, может быть, и здорово, то может принести другому смерть! Главный тезис философа Ильина такой. Страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех же пор введение демократического строя может быть только гибельным для этой страны. Каковы же эти предпосылки? Ильин насчитал их шесть. Вот они в кратком изложении:

1. Народ должен понимать свободу, нуждаться в ней, ценить её, уметь пользоваться ею, и бороться за неё.

2. Иметь достаточно высокий уровень правосознания.

3. Гражданин страны должен иметь хозяйственную самостоятельность, личную способность и общественную возможность кормить свою семью честно, хотя бы и наёмным трудом.

4. Граждане должны иметь минимальный уровень образования и осведомлённости, вне которого всякое голосование становится своею собственной карикатурой.

5. Необходим ещё и политический опыт, которого в будущей России, – как считал Ильин, – будут лишены и более образованные слои, и менее образованные массы.

6. Настоящая, творческая демократия предполагает в человеке ещё целый ряд свойств и способностей, без которых она становится обманым лицедейством и разбазариванием национального достояния.

Я согласен с Валерием Сендеровым, что нашему народу надо прививать вкус к настоящей демократии. Но не надо прививать чувство неполноценности на этой почве. Если возвращаться в подьезды, то давайте вспомним, как после терактов в Москве, вся страна буквально ошетилилась стальными дверями в подьездах многоквартирных домов. Когда клонул тот самый петух, люди мигом организовались и вполне демократически решили проблему безопасности. И сегодня в новых домах, где поселяются люди примерно одного достатка, образованности, менталитета (то есть, где как раз налицо вышеперечисленные предпосылки) быстро и эффективно решается вопрос с созданием органа домоуправления, ТСЖ, ТОС и прочего.

Именно поэтому я и не пойду к соседям по подь-

езду демократию устраивать. Потому что общий язык найду едва ли с четвертью его обитателей. Остальные не то, что не поймут, а просто сразу с порога пошлют всякую демократическую инициативу. И осуждать их язык не поворачивается. Я убеждён, что демократия появляется, когда хорошо живётся, от избытка. А бедная демократия – нонсенс. И по большому счёту, для каждой страны существует максимально возможный уровень демократии. И всякое государство должно учитывать этот факт, а не стремиться к демократии ценою собственной гибели.

Демократия предполагает другое качество общественных отношений. Формальная безответственная демократия гораздо хуже самой жёсткой вертикали. В этом убеждает меня не только личный, небольшой, правда, опыт депутата Воронежского горсовета. Но и многолетние наблюдения за работой наших демократических институтов власти.

И в заключение хочу процитировать Василия Розанова. Среди его «опавших листьев» есть и такой: «По обстоятельствам климата и истории у нас есть один “гражданский мотив”:

– Служи!

Не до цветочков. Голод. Холод. Куда же тут республики устраивать? Родится картофель да морковка... Нет, я за самодержавие. Из тёплого дворца

управлять “окраинами” можно. А на морозе и со своей избой не справишься. И республики затевают только люди “в своём тепле” (декабристы, Герцен. Огарев)».

Здесь, правда я хотел бы поправить и Розанова и Сендерова. Кажется, Питирим Сорокин сказал, что под железной крышей Российской империи уживалось сотни тысяч республик под соломенной крышей. Он имел в виду крестьянскую общину, которая управлялась на вполне демократической основе. Так что опыт непосредственной демократии у русских был. Другое дело, что это был опыт скорее принудительной демократии. Демократии бедной. Из которой выросла идея социальной революции. А демократию богатую, демократию хозяев, нам ещё предстоит построить.

И насчёт цветочков. Года два, как они появились на подоконниках и в нашем подъезде. Хотя ещё пять лет назад это было немыслимо. То есть прогресс налицо. И я, в отличие от Розанова, не столь пессимистичен. Но я за эволюционное движение к демократии. Без ложных комплексов неполноценности. Я за то, чтобы каждый выполнял свой долг, в том числе и в осмыслении нашего исторического пути. Поэтому идею служения на нынешнем этапе считаю и более актуальной и первичной.

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Соколов

Маршал Пилсудский – политик и полководец

Наконец-то появилась первая биография Юзефа Пилсудского, вышедшая на русском языке, да еще в престижной серии «ЖЗЛ». Ее написал видный историк-полонист Геннадий Матвеев. Думаю, что это – одна из лучших биографий Пилсудского, до сих пор написанных в мире, но она отнюдь не апологетическая по содержанию. Автор подходит к своему герою максимально объективно, насколько это вообще возможно в такой политизированной, идеологизированной и субъективной науке как история. В советское время Пилсудский был лишь объектом для карикатур и идеологических инвектив. Матвеев показывает, как Пилсудский, еще в ранней юности поставив своей главной целью возрождение независимого Польского государства, всю жизнь добивался ее реализации. Как отмечает историк, социалистические идеи и революция как наилучший способ достижения чаемой цели играли важную роль в мировоззрении Пилсудского, особенно на ранних этапах, но он никогда не абсолютизировал ни то, ни другое, и с легкостью отказался и от социализма, и от революции, когда потребова-

лась консолидация поляков на национальной основе. Матвеев вполне обоснованно считает, что стратегия Пилсудского, направленная на объединение всех поляков в борьбе за независимость Польши, оказалась более правильной, чем стратегия примыкавшей к русским большевикам Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, выдвигавшей интернационалистские лозунги и настаивавшей на приоритете социального освобождения перед освобождением национальным. Это подтвердили и итоги советско-польской войны. Пилсудский, хотя и отличался сильным, волевым характером, и очень не любил, особенно с годами, когда ему противоречили, но в силу политической необходимости нередко шел на компромиссы. Он обладал несомненной харизмой, и, казалось, не совершал очевидных ошибок, даже очевидные просчеты умело обращая себе на пользу. Матвеев подчеркивает, что, «начав свою борьбу с небольшой группкой единомышленников, в условиях глубокого подполья, Пилсудский сумел зажечь своим примером и верой в успех сотни и тысячи молодых сердец, стать их кумиром, духовным руководителем и вождем» (С. 450). Как и всякий революционер, Пилсудский действовал

*Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. 474 с.

по принципу «цель оправдывает средства», не оставиваясь перед террором и вооруженными экспроприациями, но при этом отнюдь не заглушал в своей душе голос совести и никогда не позволял террору принять массовый характер. Так, он очень драматически переживал, что в ходе майского переворота 1926 года, установившего режим «санации» (морального очищения), полякам пришлось стрелять в поляков.

Матвеев полагает, что «написать биографию Юзефа Пилсудского – значит рассказать о судьбе польского народа и государства в конце XIX – первой трети XX столетия» (С. 5). И такой весьма сжатый, но содержательный очерк польской истории в книге присутствует, причем начинается он с еще более раннего периода – с разделов Польши. Матвеев справедливо считает, что после подавления восстания 1863–1864 годов «перспектива возрождения государственности утратила для поляков всех трех частей разделенной страны реальные очертания и в лучшем случае стала представляться делом неопределенного будущего. Культ жертвенности ради этой прекрасной мечты у большинства мыслящих национальными категориями поляков уступил место теории малых дел» (С. 12). Как раз в эту «глухую пору листопада» в политическую жизнь вступил молодой Юзеф Пилсудский, ставший одним из создателей Польской социалистической партии (ППС) в 1893 году и воссоздавший польское государство в 1918 году.

Матвеев хорошо описывает механизмы существовавших в Польше политических режимов, в том числе санационного. Обращает он внимание и на своеобразный политический стиль Пилсудского, который «не все выражал словами. Очень многое значили его долгие паузы, внимательно-изучающий или гневный взгляд, ворчание или жесты, в которых сквозило презрение или недовольство, если его не понимали. Иногда, после долгого обсуждения какого-то вопроса, он вдруг формулировал краткие решения. И при этом эти окончательные решения и отдаваемые приказы, касавшиеся вопросов деликатного свойства, были осторожными и сознательно неясными. Иногда он ограничивался полусловом, оставляя многое на усмотрение самих подчиненных. Пилсудский в этих случаях скорее демонстрировал свое намерение, чем указывал, как и что следует делать. Исполнитель должен был понять, чего от него хочет его комендант, и далее действовать по обстоятельствам. Не у всех это получалось. Одни осторожничали и пасовали, если обстоятельства не соответствовали намерениям Пилсудского, другие действовали излишне рьяно, что не всегда приносило пользу делу. И лишь те, кто мог подладиться к Пилсудскому, остались в его окружении» (С. 155–156).

Что ж, перед нами типичный стиль общения тоталитарной личности, каковой, наверное, и был Пилсудский. Недаром один из бывших соратников Пилсудского вспоминал, что в разговоре с ним «нельзя

было болтать ерунду, нужно было следовать за ходом его мысли и эту мысль развивать: да или нет, но нужно было ее развивать. Нужно было идти за ним. А поскольку он для себя многие вещи обдумал, то доминировал над своим собеседником» (С. 155). Примерно так же любили беседовать с соратниками и подчиненными Сталин и Гитлер. Однако Пилсудский сумел подняться над свойствами собственной личности, ибо превыше всего для него было благо Польши, которую он видел сильным и независимым государством. Маршал никогда не пытался установить в Польше какое-либо подобие тоталитарного режима, хотя после переворота 1926 года обладал практически неограниченной властью. Пилсудский сознавал, что для поляков, с их традициями борьбы за свободу, тоталитаризм не приемлем. И неслучайно впоследствии коммунистический режим, импортированный в Польшу после Второй мировой войны, когда после 1956 года он стал собственно польским (до этого многие сферы, в том числе армия, контролировались советскими советниками), оказался одним из самых мягких во всем советском блоке. Пилсудский стремился сохранить основные конституционные нормы, в том числе свободу слова и парламентские выборы, стараясь приспособить демократию для нужд сильной исполнительной власти, чтобы избавиться от неэффективности правительств первой половины 1920-х годов. При этом он шел на явно недемократические меры, вроде создания концлагерей для политических оппонентов в Бресте и Березе Картузской или мероприятия по контролю выборов со стороны пилсудчиков. Обо всем этом подробно рассказывается в книге Матвеева. Однако автор показывает, что Пилсудский рассматривал подобные мероприятия как чрезвычайные и после их проведения старался вернуть все в правовое поле, хотя это у него далеко не всегда получалось. Тем не менее, нельзя сказать, что режим санации был вовсе не эффективным и стал главной причиной поражения Польши в 1939 году. Стоит отметить, что завоевание Польши Германией в тот момент определялось не слабостью польского политического режима или низкой боеспособностью польской армии. Наследники Пилсудского уступали ему в популярности, однако глубокого раскола в польском обществе перед войной не было, и оно сплотилось вокруг правительства с началом войны, но не смогло предотвратить катастрофы. Польская армия была вполне боеспособна и неплохо вооружена, принимая во внимание ресурсы страны, но не могла драться на равных с куда более мощным вермахтом. Причины польского поражения лежат в особенности международного положения конца 30-х годов, в неспособности, да и в нежелании Англии и особенно Франции оказать Польше действенную военную помощь в виде широкомасштабного наступления на Западном фронте.

И еще маршал умел не превращать бывших друзей во врагов. Даже те из них, кто потом стал его политическими противниками, не испытывали к нему

ненависти, а многие сохраняли уважение к Пилсудскому на всю жизнь. И он никогда не мстил своим противникам, в отличие от Сталина.

Историк подчеркивает, что Пилсудскому, благодаря его харизме и умению убеждать в своей правоте, общественное мнение прощало то, что для других политиков стало бы концом карьеры. Матвеев доказывает, что еще в 1913 году, когда до польской независимости оставалось пять лет, Пилсудский, «благодаря присущей ему харизме и организаторским способностям... все больше обособливается от своего окружения (по выражению Сокольниковского, становится все более одиноким в собственном лагере), превращается в безусловный авторитет для определенной, весьма сплоченной группы людей, посвятивших свою жизнь общей цели – освобождению Русской Польши. И эта его позиция со временем будет только крепнуть» (С. 155). Тут надо оговориться, что Пилсудский все-таки хотел освободить не только русскую часть Польши – Королевство (или Царство) Польское, но и польские земли, оказавшиеся в составе Германии и Австро-Венгрии, и объединить их в едином сильном государстве. Другое дело, что в 1913 году он, находясь в зависимости от австрийского Генштаба и австрийских властей, не мог открыто выдвигать лозунги воссоединения в едином Польском государстве Галиции, Силезии и Познанщины, находившихся в составе Центральных империй.

Пилсудский, как известно, был не только политиком, но и полководцем, первым маршалом возрожденной Польши. Его главным творением на этом поприще стала победа над Красной Армией под Варшавой, благодаря чему ему удалось достичь своей главной цели в советско-польской войне – разгрома советских войск, что гарантировало от насильственного установления коммунистической власти в Польше в обозримом будущем. Матвеев правильно отмечает, что Пилсудский отверг советское предложение 1919 г. прекратить боевые действия в Белоруссии в обмен на значительные территориальные уступки, включая Минск, потому что, «несмотря на всю внешнюю привлекательность такого решения территориальной проблемы, согласие на него было равнозначно отказу Пилсудского от концепции безопасности, которую он считал оптимальной. Ведь в этом случае буфера между Польшей и Россией не возникло бы» (С. 276). Только успехи Деникина и захват им в августе 1919 г. значительной части Украины, включая Киев, привели Пилсудского к необходимости заключить фактическое перемирие с Советской Россией, что серьезно облегчило для Красной Армии разгром Деникина. А уж насчет того, что Деникин с его лозунгом «Единой и неделимой России», в случае победы никакого буферного государства между Россией и Польшей не потерпит, Пилсудский нисколько не сомневался. В то же время, Матвеев полагает, что, избирая Киев в качестве главного направления польского наступления в ап-

реле 1920 года, «Пилсудский был убежден (или пытался себя убедить) в том, что в отличие от московского направления, на котором Красная армия использует тактику М.И. Кутузова, то есть уклонения от активных боев и отступления, вплоть до сдачи Москвы, Киев является «невралгическим пунктом» большевиков, их «болезненным местом», где они не позволят себе такой тактики» (С. 281). Думаю, что в действительности Пилсудский не был так наивен. Ведь в продолжавшейся уже два года гражданской войне большевики никак не проявили особую чувствительность к обладанию Киевом, тем более, что столицей Советской Украины был Харьков. Пилсудский вполне откровенно писал в мемуарах, что одной из главных целей войны было создание Украинского государства во главе с С.В. Петлюрой, и этим был обусловлен выбор киевского направления в качестве главного. Захватив Киев, он надеялся вдохнуть вторую жизнь в петлюровскую армию и правительство, но эти расчеты не оправдались. Зато Матвеев совершенно оправданно приписывает Пилсудскому решающую роль в планировании и проведении контрнаступления под Варшавой: «Идея именно таких действий в условиях, когда польская армия была недостаточно сильна, буквально носилась в воздухе и могла прийти в голову любому военному, хорошо знакомому с положением на фронте. Главное в другом. Идею нужно было должным образом оценить и положить в основу плана. А этого за главнокомандующего сделать никто не имел права. Следовательно, Пилсудский в любом случае имел решающий голос в принятии именно этого, а не другого плана контрнаступления, в то время как другие могли иметь только совещательный голос, не более» (С. 289–290). Но если основной военной цели в войне Советской России Пилсудский достиг, то этого нельзя сказать о политической цели. Собственно, Пилсудский, начиная большую войну против большевиков, стремился создать между Польшей и Россией буферное Украинское государство. Это ослабило бы Россию до такой степени, что в будущем при любом режиме она бы больше не смогла угрожать польской независимости. Однако поддерживаемое им правительство С.В. Петлюры оказалось не эффективным и не смогло создать боеспособную армию. Воевать же с Советской Россией до полного разгрома большевиков Пилсудский не стал, хотя возможности дойти до Москвы у польской армии осенью 1920 г. были. Однако это привело бы к власти в России Врангеля, который не собирался признавать независимость Украины, да и насчет признания независимости Польши высказывал ряд оговорок. Так, Врангель прямо писал в мемуарах: «Политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими полити-

ческими обязательствами...» Понимая, что Врангель является убежденным монархистом и не собирается признания границ Польши, и признания независимости и границ Украины, Пилсудский предпочел помириться с большевиками. Только немедленное признание независимости и границ Польши и Украины врангелевским правительством и заключение обязывающего договора о союзе с Варшавой могли бы побудить Пилсудского продолжать войну. Но к этому ни Врангель, ни его Русская армия не были готовы. В итоге, несмотря на выигранную кампанию, Пилсудскому пришлось удовлетвориться разделом Украины по Збручу, а это оставляло потенциальную советскую угрозу Польше, которая и реализовалась через четыре года после смерти Пилсудского, в 1939 году.

Матвеев справедливо подчеркивает, что «длившаяся 21 месяц Польско-советская война завершилась победой польского оружия, но она не дала тех результатов, на которые рассчитывал Пилсудский, начиная ее в феврале 1919 года» (С. 292). Кстати, на мой взгляд, правильнее все-таки писать и говорить по-русски «советско-польская война», как это традиционно и делалось. Ведь при обозначении войн сперва указывают определение, относящееся к своей стране, и лишь на втором месте – определение, относящееся к стране противника.

Замечу, что Пилсудский обладал также недюжинным литературным талантом. Его публицистические статьи, равно как и военно-исторические труды и труды по истории революционного движения в Польше написаны прекрасным литературным языком, что обеспечило им большую популярность при жизни Пилсудского. Хотя, как хорошо показано в книге Матвеева, порой они тенденциозны и, что вполне естественно для произведений мемуарного жанра, выставляют их автора в наилучшем свете.

Дискуссионным представляется следующее суждение автора книги: «Тогда этот переворот (в мае 1926 г. – Б.С.) казался великим преступлением против демократии, иным он представляется случайно забредшим в XX век из предыдущего столетия. Я с этим не согласен. За прошедшие после этого поворотного события в межвоенной истории Польши восемь десятилетий выяснилось, что переход от недемократических режимов к демократии редко происходит гладко. Чаще всего такие общества нуждаются в каких-то переходных этапах, ав-

торитарных режимах, не останавливающихся ни перед чем ради достижения общегосударственных и общенациональных, а не партикулярных целей отдельных классов и партий. И Пилсудский, создавая свой режим, подсознательно пытался сыграть как раз такую роль (С. 451). Однако санационный режим совсем не может быть иллюстрацией к тезису о том, что для перехода от недемократических режимов к демократическим нужны авторитарные режимы. Режим, существовавший в Польше с 1918 по 1926 год, был самым что ни на есть демократическим, хотя и не слишком эффективным. И после санационного режима, просуществовавшего до 1939 года, была отнюдь не демократия, а нацистская оккупация, а после 1945 года – коммунистическая власть, принесенная на советских штыках. К немногим недостаткам книги можно отнести тот, что, будучи преимущественно специалистом по социально-политическим процессам, Матвеев гораздо меньше внимания уделил собственно военной деятельности Пилсудского в качестве главнокомандующего в советско-польской войне, а в дальнейшем – генерального инспектора армии, и, в частности, планам стратегического развертывания польских вооруженных сил в межвоенный период.

И жаль, что в книге не затронут интереснейший вопрос, пусть и в жанре, очевидно, не слишком любимой Матвеевым альтернативной истории: что было бы, если бы здоровье Пилсудского оказалось крепче, и он не умер бы в 1935 году в 67-летнем возрасте, а прожил еще с десяток лет и застал Вторую мировую войну. Как он повел бы себя во время приведшего к войне весенне-летнего кризиса 1939 года? Быть может, старый маршал сумел бы найти какой-то компромисс с Гитлером (при его политическом искусстве все возможно) и предотвратил заключение пакта Молотов – Риббентроп, а также новый раздел успешно? Или, быть может, Пилсудский, лично возглавив оборону против германского нашествия, смог бы выработать более оптимальную стратегию и продержаться лишний месяц – полтора? И тогда западные союзники все-таки пришли бы на помощь Польше? А что было бы, если бы во главе польского правительства в изгнании оказался Пилсудский, а не его соперник генерал Владислав Сикорский? Может быть, он каким-то чудом сумел бы не допустить советизации Польши? Надеюсь, что когда-нибудь историки попытаются ответить на эти вопросы.

Валентин Оскоцкий

И снова о мудром, родном и любимом

Сенсация: Александр Ульянов «был повешен за участие в покушении на царя-освободителя Александра II». Все врут календари? Энциклопедия,

а также школьные и вузовские учебники вкуче с ними? Знамо, врут, если всерьез принять авторскую версию: не нерадивыми студентами-недоучками дирижировала Софья Перовская на Екатеринбургском канале 1 марта 1881 года, а 15-летним симбирским гимназистом, которого, видать,

* Святослав Рыбас, Екатерина Рыбас. – Сталин. Судьба и стратегия. Кн. 1, 2. М., «Молодая гвардия», 2007.

по малолетству казнят в Шлиссельбурге лишь через долгие шесть лет. Разумно, однако, допустить: его сверстники-гимназисты, не говоря уже о младшем брате Владимире, как затем и университетские сокурсники-студенты в Петербурге, вряд ли путали императора Александра II с наследником-сыном Александром III...

Дальше – больше. Не Петром¹, как значится под портретом, а Павлом звался лидер кадетов Милоков. Не вслед за первым писательским съездом в 1934 году создавался Союз кинематографистов СССР, а четверть века спустя: 1957 – оргкомитет будущего Союза, 1965 – первый учредительный съезд. А наркомом чего – связи или водного транспорта поставили изгнанного из ОГПУ Ягоду? Предложены оба варианта, – выбираем, какой по душе... Не в конце 30-х годов, а в «сороковые роковые» городские школы разделились на мужские и женские и вместо «отл.», «хор.», «уд.» и «неуд.» ввели пятибалльную систему оценок. Что же до школьной униформы, то она стала обязательной и того позже – в начале 50-х...

А как понять, противостояла ли Польша гитлеровской агрессии в роковом для нее сентябре 1939 года, вписала ли в сопротивление фашизму самоотверженную оборону Варшавы, если в одном и том же абзаце читаем сначала «Поляки оказывали героическое сопротивление», а спустя всего 8 строк «Немецкие войска не встретили настоящего сопротивления»?

Не Станислав Миколайчик возглавил после падения Польши эмигрантское правительство в Лондоне, а изначально и вплоть до таинственной гибели в авиакатастрофе над Гибралтаром в 1943 году генерал Владислав Сикорский. Которому, попутно припомнить, Сталин люто не мог простить блистательной победы под Варшавой в войну 1920 года. И который, в свою очередь, – тугой клубок столкновений! – не соглашался одобрить решения тегеранской конференции глав трех союзных держав о новых границах будущей послевоенной Польши, а также упорствовал в требовании обнародовать правду о расстрелах в Катыни...

Не 17 октября 1939 года, а месяцем раньше, т.е. 17 сентября, в разбойном духе сговора с Риббентропом-Гитлером Красная Армия начала «освободительный поход» в Западные Белоруссию и Украину. Не в тот же день, что и Гитлер, т.е. не 22 июня, а 12 июня 1812 года Наполеон, перейдя Неман, вторгся в Россию. Не в феврале 1953-го (до смерти Сталина, что ли?) сместили Маленкова с поста председателя Совета министров СССР, а двумя годами позже...

В том же ряду «дворянский поэт» Александр Блок. Или мифический историк В.А. Сахаров, чьему авторству приписаны работы директора Института российской истории А.Н. Сахарова. Скорее всего, с ним перепутан литературный критик В. Сахаров, который, правда, по отчеству не «А.», а «И.»...

Таких вызывающе демонстративных ляпов по части не только имен и дат, но также событийной и концептуальной в двух томах книги Святослава Рыбаса и Екатерины Рыбас «Сталин. Судьба и стратегия»² гребни лопатой – не выгребешь. Изобилие их,

редкостное даже при удручающем ныне уровне обвального падения издательской культуры, никак не списывается на небрежность редактуры и корректуры, которые впрямь небрежны, а идет непосредственно от изначального авторского текста. Его частая низкопробность и вынудила – сожалею, что не по горячему следу, – взяться за неблагодарную работу рецензирования. Хотя, признаюсь откровенно, после памфлетной статьи о двухтомии Владимира Карпова «Генералиссимус»³ в мои творческие планы никак не входило снова браться за явных и тайных (а полку тех и других опять прибывает!) сталинских апологетов. Дабы, как карманников, ловить за нечистую руку на передержках, искажениях, подтасовках, прямом вранье.

Предвижу энергичные возражения. Причем тут апологетика, если книга, клянутся соавторы, писалась не ради шельмования или обожествления, а как объективное жизнеописание заглавного исторического героя «в тех пределах личных, государственных и мировых обстоятельствах, в которых он действовал». (Падежные несостыковки – авторские!). И потому внимание жизнеописателей отдано не одним победам, за которые их герой «заплатил тяжелой ценой», но и ошибкам, и поражениям. Разве не ясно сказано, что сталинский план переустройства общества в 30-е годы нес не только огромные свершения, но и «репрессии во всех слоях населения»? Что несокрушимая логика «крупного политического игрока», «гроссмейстера политики», мастерски соединявшего «геополитику, коммунистическую идеологию, финансовый расчет», была вместе с тем «логикой Макиавелли»?

Верно: сказано. Но так, что каждое авторское «да», указующее на упущения, просчеты, ошибки новоявленного Макиавелли большевистского образца (его преступления так и не названы во весь громкий авторский голос преступлениями), тут же сопровождается дезавуирующим, разъясняющим, оправдывающим, а то и облагораживающим «но». Делается это по нехитрому, однако четкому, безотказному шаблону.

Да, у «грубоватого грузина ... не было интеллигентских манер, как у Каменева или Зиновьева», о чем напрямик, уже не называя Сталина «чудным», писал Ленин в так называемом завещании. Но он сам признавал за собой этот порок («Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю»), который, правда, и пороком не считал, зарекаясь на веки вечные церемониться с врагами партии и рабочего класса. И как не быть грубым, т.е. прямым и резким, если советская власть по природе жестока и ее жестокости исторически «было оправдание»? Что же до ленинского «Письма съезду», то его многоопытные «фигуранты», и Сталин первый среди них, поднаторев в амбициозной борьбе честолюбий, знали «властолюбие, интеллект и волю» автора и вправе были рассудить, что, нелестно отзываясь о каждом из них, «Ленин начинал какую-то новую интригу». Подобно тому, как, «прося цианистый калий, ...скорее всего, проверял отношение к нему бли-

06/2009

жайших соратников». Тем более мелкозвучали его противосталинские аргументы: в их контексте «позиция Сталина выглядит наиболее солидной». Эка невидаль – «сосредоточил в своих руках необъятную власть. Для большевика и для руководителя в этом нет греха»...

Да, обхамил Крупскую. Но сам же вскоре и повинулся. К тому же у Надежды Константиновны «действительно ... нервы были напряжены до предела». Она повела себя истерично, «повалилась на пол и стала кататься, потеряв над собой контроль»...

Да, «не уберег» – его словцо – жену от самоубийства. Но над ней тяготела дурная, «неблагополучная наследственность: в ее роду были люди со слабой психикой», она «отличалась тяжелым характером ... была ревнива, вспыльчива, к детям была холодна», «часто была несдержанна, ссорилась с мужем по пустякам и во время ссор даже при посторонних не выбирала выражений». В противоположность ей у Сталина (не смотря на отца – забудыгу и дебошира?) была наследственно устойчивая, здоровая психика, он и «в семейном быту ... был обаятелен (он вообще обладал поразительным обаянием и умел обвороживать людей), гостеприимен, любил играть с детьми и шутить». Вот и роковой выстрел воспринял «как чеховский интеллигент, демонстрируя полное непонимание случившегося»...

Да, не предотвратил ни самоубийства Орджоникидзе, ни ареста его братьев. Но ему надоели «неуравновешенность и даже капризность Серго», не разбиравшегося в людях, импульсивного, вздорного, по-грузински горячего, долго вынуждавшего владеющего собой соплеменника сдерживать растущее «недовольство ... старым соратником». Являясь фактически «экономическим диктатором СССР» (?), Орджоникидзе проявлял себя не таким твердым сталинцем, как Каганович или Молотов, его «сталинизм был более мягким, более человечным». Вместе с тем это значило также, что он «не понимал политики Сталина. В его представлении почти не существовало ни троцкистско-зиновьевских изменников, ни вредителей, ни шпионов. Он жил в мире строек и заводов, которыми управляли его собственные люди, пусть и не безгрешные, но преданные и ему, и партии, и стране». Окруженный ими, он всё более расходился со Сталиным, близоруко не видел, что «его личные права «неприкасаемого» члена Политбюро уменьшаются и что никаких особых отношений со Сталиным уже нет». Выбившись из железной сталинской когорты, «он оставался с уходящим поколением, с уставшими от постоянной гонки героями, для которых постоянное давление Сталина было всё более неприемлемо». Примем в расчет и «серьезную информацию о том, что нарком был неизлечимо болен и, чтобы избежать мучений, предпочел добровольно уйти из жизни, выбрав для этого очень трудный для себя день». Если «информация» достоверна – а повествователям сильно хочется, чтобы так было, – значит, и в этой гибели Сталин чист как агнец...

Да, подвел под расстрел Тухачевского. Но об опасном бонапартизме маршала оперативно сигнализировал «секретный агент ОГПУ», приставленный «для агентурного наблюдения». Обладая на основе донесений ОГПУ, ЦК, наркоматов «масштабным видением реальности», Сталин разделял «военизированный взгляд на мир» и, прозорливо предвидя Вторую мировую, как до нее Халхин-Гол, а с ее началом Перл-Харбор, загодя «вычищал ряды политического класса», где, как и во всем советском обществе, в целом, не должно быть «чужих». Чужим надлежало «перевоспитаться или исчезнуть».

Естественно, в такой напряженной, тревожной атмосфере у Сталина «постепенно ... накапливалось понимание угрозы, исходящей от пока еще незаменимой группы населения, старой интеллигенции», ученых, а также военных. Ведь «если бы агрессия произошла, то в стране нашлась бы огромная социальная база для ее поддержки, начиная с офицеров и интеллигенции», чья «пассивная оппозиционность ... в случае войны могла бы стать почвой для объединения более активных сил и могла бы выдвинуть приемлемых для большинства лидеров». В этом первопричина «дел» как академиков, так и военных.

В расстрельных расправах с последними, сообщают повествователи, наряду с Ежовым и другими штатными палачами-энкаведешниками личное деятельное участие шустро приняли и Ворошилов, и Буденный. Еще бы не принять, если оба были осведомлены, что своенравный Тухачевский контактил с врагами «в Лондоне на похоронах короля Георга V», в Берлине «попытался встретиться с Гитлером, но тот категорически отказался от контактов», в Париже «имел не санкционированные в Москве длительные беседы с белогвардейцами из РОВСа, пытаясь через них довести до французских и немецких верхов взгляды Кремля». Потому не велика беда, если «сегодня ясно, что заговора» Тухачевского «как такового не было. Но объединенные общей идеологией группы безусловно существовали». Точь-в-точь как в случае с «промпартией»: «Следствие во многом было сфальсифицировано, однако отдельные факты и сама тенденция были реальными».

Не сбросить со счетов, настаивают соавторы, что в условиях внутрипартийной борьбы за авторитетное лидерство, в котором Сталин видел «один из элементов единства власти», его власть не была ни надежной, ни прочной. «Победив, он не был уверен, что завтра не потеряет свою власть и даже жизнь», которую «в любой момент» мог оборвать «повседневный террор белогвардейских боевиков». Отсюда жесткие «кадровые приоритеты»: единство «команды важнее всего. Что в этом удивительного? Это закон каждой организации, который ставит на первое место ее целостность и безопасность и наказывает всех, кто пытается его переступить». Что-что, а взыскивать, наказывать вождь умел...

Да, его прямое указание в 1930 году «максимально увеличить производство водки для получения дополнительного финансирования». Но «здесь главное, ко-

нечно, не водка», а «реальная угроза интервенции, которая в сочетании с внутренними противниками ставила Сталина перед трудноразрешимыми проблемами»...

Да, персонально от него исходил запрет «даже упоминать о голоде» 1932–1933 гг. Но допустить утечку взрывоопасных сведений об истинном положении Украины, Поволжья, Сибири, Северного Кавказа, Казахстана значило бы «отказаться от индустриализации», на что Сталин пойти не мог...

Да, «вряд ли была необходимость в демонстративных акциях, отдающих восточным средневековым. Если его противники были разбиты, лишены всех возможностей реванша, то зачем надо было допускать их показательное унижение?». Но, с другой стороны, «никто ... не тянул за язык» раскаявшихся, никто не принуждал (!) к саморазоблачительным признаниям. «Они по собственному разумению называли его фельдмаршалом, великим, вождем». В таком показном недочувствии, недомыслии адвокатствующие повествователи доходят до циничного кощунства, с иезуитским лицемерием вопрошая: «Почему прославленные герои Гражданской войны не находили в себе ни моральной, ни физической силы выдержать жестокие допросы?». Кто поверит, будто соавторы в самом деле не знают ответа...

Да, «очевидно, Троцкий был ярче и талантливее Сталина, но Сталин был системнее, властолюбивее и беспощаднее», хотя в многолетнем их не на жизнь, а на смерть соперничестве не всегда оставался правым. Однако и в таких случаях «праота Троцкого ограничена», в то время как Сталин защищался и нападал «по сути законов политической борьбы». И, неукоснительно следуя им, распорядился ликвидировать соперника, как только окончательно пришел «к выводу, что война с Германией неизбежна, а Троцкий препятствует формированию единого левого антигитлеровского союза». Словно Троцкий, а не сам Сталин воспрепятствовал антифашистской коалиции немецких коммунистов и социал-демократов.

По-своему верно назвал Троцкий «сталинскую политику Термидором», правда, не понимая его исторической закономерности. Между тем, «это настоящий Термидор – конец революции, государственное строительство, нереволуционность». Во главу угла поставлена не мировая революция, а собственная государственная необходимость, подобная несущемуся на всей скорости поезду: под его колеса попадал каждый, «кто препятствовал этому процессу». Не препятствуй!..

Аналогично «схоластик Бухарин, многолетний коллекционер бабочек и поклонник молодых девушек, проиграл в личной борьбе аскету с железной волей». Не мог не проиграть, потому что даже тогда, когда бывал прав, «его правота была всего лишь констатацией фактов, которые Сталин знал еще лучше». И хотя поначалу подкулачник-бухарчик ловко сумел отмыться от «нелегальных конференций», обсуждавших возможности «насильственного устранения Сталина», на участие в них «любимца партии» вместе

с арестованными по правому уклону учениками и подельниками своевременно указывали квалифицированные следователи ОГПУ. При этом они здраво соznавали: впрямую правые уклонисты не угрожали захватом власти, но «при определенных условиях Бухарин мог быть выдвинут в вожди партии, Рыков – в председатели правительства». Было от чего всполошиться...

Особый сюжет – взаимоотношения с мастерами искусств и с писателями.

Да, спровоцированная Сталиным правдинская статья «Сумбур вместо музыки» больно ударила по Шостаковичу. Но модный композитор «был, бесспорно, авангардистом, близким к левому искусству ... что могло дать такое искусство миллионам людей?». Сверх этого зловредная опера «Леди Макбет Мценского уезда» подрывала моральные устои советской семьи, и без того расшатанные вездесущими троцкистами-зиновьевцами. В результате установочный шабаш вокруг сумбурной музыки (кстати, блистательно спародированный Михаилом Булгаковым в устном рассказе, который записала и сохранила Елена Сергеевна), предотвратив разлагающее влияние порочной оперы, пошел во благо как рабоче-крестьянским семьям, о чьей нравственности без устали пекся, набирая руководящую силу, отец народов, так и авангардисту-композитору. Хотел того Шостакович или не хотел, но Сталин сумел его «перевоспитать ... Лучшее тому подтверждение – популярная песня «Нас утро встречает прохладой» (на слова расстрелянного Бориса Корнилова! – В.О.) из кинофильма «Встречный» и музыка к фильму «Падение Берлина», за которую композитор получил Сталинскую премию». Право, жаль, что авторы запомнили еще один песенный эпизод в творчестве Шостаковича – «Песню о фонарике». Дескать, куда до нее небрежно неупомянутым симфонией – ленинградской блокадной или вдохновленной втушенковским «Бабьим Яром»...

Да, разрешение на постановку «Дней Турбинных» «было очень ограниченным: только в Москве, только в Художественном театре. Но оно переворачивало всю прежнюю идеологию, далеко расширяя круг «своих», захватывая в него прежних врагов». Да, в то не ответа на отчаянное письмо Шолохова о голоде на Дону «чувствуется разочарование и высокомерие». Но Сталина «можно понять: один из крупнейших писателей, на которого он хотел сделать ставку, оказался таким же, как и его Григорий Мелехов. Здесь Сталин не выиграл»...

Зато с лихвой взял реванш, любовно опекая Александра Корнейчука. «В тяжелейшей обстановке лета 1942 года ... посчитал важнейшим для себя делом дважды встретиться с драматургом ... и даже отредактировать его пьесу «Фронт»». Верно понимая, что драматург не Шекспир (об отношении самозванного редактора к собственным литературным способностям соавторы деликатно умалчивают), «лично редактирует, дописывает отдельные монологи, заостряет главную мысль». В результате сюжетно «вымышленная история под руководством Сталина быстро пре-

06/2009

вратилась в живую повседневность и в очередной раз показала всем его гениальность»...

А стратегически сталинская гениальность проявилась, разумеется, не только на художественной, если считать драматургию Корнейчука искусством, ниве, но равным образом на экономической и политической, государственной и международной, военной и внутрипартийной. Все они объединены, слиты, синтезированы в монолитное целое, краеугольными опорами которого отмеченные «да» и «но» так же последовательно, с той же несбиваемой логичностью, как и до войны, выступают в высших деяниях военных и послевоенных лет.

Да, в телеграмме, лично надиктованной в Ленинград в сентябре 1941 года, «ни полслова о сострадании» людям, которых наступающие немцы насильно гнали в атаки впереди себя. «Но документ принадлежит великому политику», а великие политики мыслят «особыми категориями»...

Да, «специальную операцию советской разведки» сначала по официальному заманиванию в Москву на переговоры делегации польской Армии Крайовой во главе с бригадным генералом Леопольдом Окулицким, а затем по вероломному аресту делегатов вопреки предварительным гарантиям безопасности «не назовешь джентльменской. Но и убийства из-за угла советских солдат и офицеров в Польше тоже не отнесешь к честным методам ведения войны»...

Да, принял по настоянию «всех маршалов ... звание Генералиссимуса». Но относился к нему «очень сдержанно и отказался носить особый мундир, скопированный с парадных мундиров времен Отечественной войны 1812 года»...

Да, жестокой опале подверг маршала Жукова. Но вовсе не потому, что мстительно помнил, как тот в одной (а кто знает, может, и не в одной) стычке сгоряча, не сдержавшись, послал подальше. «Великий маршал явно зазнался ... давал много интервью и пресс-конференций иностранным журналистам ... заявлял о своем выдающемся вкладе в победу над Германией. Уж какой славы не хватало ему? Но, видно, чего-то не хватало» новоявленному кандидату в Наполеоны, претендующему на лидерство во «всей военной верхушке». К тому же, высказываясь «в узком кругу ... о своей решающей роли», позволял себе «антисталинские разговоры» ...

Да, «наркомат евреев» – Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК) – «был обречен» по его указанию. Но повод дал сам ЕАК, претендуя «на участие во внутренней политике» и выступая непрощенным «ходатаем по улучшению условий жизни одних лишь евреев. Сталин увидел в этом буржуазный национализм, выпячивание прав одной нации за счет других»...

Да, санкционировал убийство Михоэлса (единственный, кажется, случай, когда преступление все-таки названо преступлением!). Но талантливый артист и режиссер жил «завышенными представлениями ... о своей роли в связи с мощной поддержкой СССР в США». Мало того: «Новый зять Сталина Григорий

Мороз был евреем и входил в круг близких Михоэлсу людей», среди которых выделялся бывший бундовец Гольдштейн. Разговоры, какие велись «при его встречах со Светланой и Григорием, касались и самого Сталина». Это свидетельствовало о нездоровом любопытстве Михоэлса к личной жизни вождя и не могло не обострить «внимание МГБ». Не удивительно, что в свете бесконтрольности зарвавшегося ЕАК, который получил «огромную поддержку мирового еврейства», Михоэлс «стал для Сталина в чем-то подобен Троцкому». И «должен был понести кару». Что и исполнено...

Да, в конфликте с Югославией, возможно, были «иные средства повлиять» на ее лидера. Но Сталин «предпочел самые боевые. Почему?». У него не было времени «ждать, когда Тито впишется в его стратегию». И «надо было пресечь возникновение конкурирующего центра мирового коммунистического движения»...

Да, безоглядно верил академику-шарлатану Лысенко. Но «его вера ... была продолжением его творческой природы, готовой на многие жертвы ради успеха»...

Да, вдохновил расстрел по липовому «ленинградскому делу». Но на квартире Кузнецова «МГБ зафиксировало разговоры ... о бедственном положении Российской Федерации». (А оно что – радовало сплошным благополучием?) Да и «амбициозный Вознесенский», хоть и не намеревался, как припаяли ему, «отторгать Ленинград от ЦК», не был безгрешен. Его «властные претензии ... не подтверждались практикой. Он не имел опыта управления промышленным предприятием, наркоматом или обкомом партии» и, восполняя свой кадровый изъян (за который тоже расстреливали?), культивировал «канцелярский стиль». Отсюда «его главный грех», который, «пожалуй, заключался в безграничной уверенности в верности своих взглядов». Если так, то сталинский выученик! Не потому ли Сталин был готов отменить его казнь? Но ретивый Берия поспешил исполнить смертный приговор. Помолчав, чтобы пережить потрясение, человеколюбивый генералиссимус приказал: «Детей не трогать». И действительно, «двух дочерей бывшего председателя Госплана не арестовали, они оставались в Москве и продолжали учиться». Диво что за гуманисты!..

Да, не воспрепятствовал культовой пропаганде себя любимого. Но «лично ему она не доставляла никакого удовольствия», и он принимал ее «как неизбежную форму укрепления режима». Оттого и на юбилейном шоу в Большом театре в честь 70-летия повел «себя так, словно он был из другого мира. Почему? Не любя торжеств и славословий в свой адрес, он молча исполнил роль, в которой не было никакой драматургии»...

Да, раскручивал «дело» убийц в белых халатах и едва не довел его до нового расстрельного финала. Но поразительно: даже в преддверии не состоявшейся по причине его смерти показательной массовой расправы, ни до, ни после убийства Михоэлса, физи-

ческого устранения ЕАК антисемитом не был. Третьим после себя человеком в партийной и советской иерархии держал еврея Кагановича. Политработу в армии поручал еврею Мехлису. Терпел наркомов-министров из евреев. Мирился с еврейскими женами членов политбюро. (Хотя Полину Жемчужину, которая загодя, но безрезультатно развелась с Молотовым, арестовал и сослал. Да и самого преданного из преданных едва не отправил на плаху). Что же до «какой-то водевильной истории со Светланой», то Алексея Каплера, который «дерзнул увлечь единственную дочь великого вождя», отнюдь не Сталин самолично обзывает «каким-то сладкоголосым толстым евреем, успешно подвизающимся на ниве коммунистической пропаганды»: так куражатся соавторы летописания...

Но как быть в свете сталинского анти-антисемитизма с его наставлениями, поучениями, назиданиями на тему о том, что «любой еврей – националист, это агент американской разведки. Евреи считают, что их нацию спасли США... Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов»? Никак не быть! Прилежно процитировав противоеврейскую паранойю, летописцы предусмотрительно воздерживаются от комментариев...

Так закладывается фундамент фактических (и, что важно, разнотематических) посылов, на котором выстраивается сокровенный для биографов-летописцев обобщающий тезис, поданный в тех же императивах признаний и опровержений: да, правил диктаторски, но своей диктатурой тяготился и намеревался ее ослабить. Однако «не преуспел в этом, встретив ожесточенное сопротивление аппарата». В его единстве «Сталин увидел перед собой сплоченную силу, одолеть которую в прямом противостоянии было невозможно». Оставались обходные маневры противодействия «ожирению правящей группы» и близкой к ней чиновной элиты. Ясно видя исходящую от них угрозу построению социализму, он «боролся с ней». Увольте: как боролся? Путем министерских пакетов, внебюджетных зарплат, государственных квартир, дач машин и прочих кормушек-подкупов?

Поскольку руководящий партийный аппарат не раз подрубал орлиные крылья, не иначе как в противовес ему Сталин вынашивал демократическую идею альтернативных выборов и наверняка бы (опередив Горбачева?) осуществил ее, если б не «война, потом фронт генералов (Жукова, что ли? – В.О.), атомная угроза, раздел Германии, Корейская война... Не успел, жизни не хватило». Не хватило ее и на то, чтобы предугадать: с годами и десятилетиями до власти дорвутся Горбачев и Ельцин – сыновья и внуки «репрессированных в советское время крестьян. К этим двум политикам надо добавить тысячи и тысячи неизвестных деятелей более низкого ранга, которые произошли из той же среды».

Как ни досадны, однако, подобные промашки и просчеты, они никнут перед прозрениями. Например, в предсмертном труде «Экономические проблемы социализма в СССР», где мудро предвосхищено «экономическое реформирование по пути, который

сегодня называется китайским». Более того: ничто житейское, как и издержки в руководстве партией и страной, не роняет Сталина нравственно, ибо в повседневном потоке жизни он по высокому счету морали выгодно отличался не только от соперников, но и от ближайших соратников.

Среди них были «сибариты и кутилы», но он не водился с ними. Не развратничал, как Авель Енукидзе. «Не был грешен по части интимных увеселений с балеринами», как Калинин и Киров. Не «позволял себе развеяться за границей», как Рудзутак. (Не оттого ли – от греха подальше – лишь дважды, в Тегеран и Берлин, выезжал из страны?). И не закладывал за воротник, как Рыков. О том, что Куйбышев тоже был запойным, почему-то стыдливо умалчивается. Зато о расстрелянном Блюхере правда-матка без обиняков: «Пьянствующий или невесть чем занятый командующий, которого разыскивали для разговора трое суток, становился опасным». Не пощадил соавторы однажды и сталинского любимца Жданова. Запаниковав с началом ленинградской блокады, он, опустившийся, небритый, пьяный, отсиживался «в роскошном бункере» Смольного. В урок и укор всем вместе взятым Сталин в быту был сдержан, бескорыстен, монашески аскетичен (еженощные кунцевские пиршества не в счет?), умер на государственной даче и погребен в поношенном, благо, что отугуженном мундире...

Конечно, хоть и аскет, но всё же не ангел-праведник. Однако как «человек идеи, даже, скажем так, ее апостол» личность крупномасштабная, исключительная, в сверкающем ореоле избранничества. Мистического, как Россия, коль скоро она сама есть «мистическое государство». Оттого и «его жизнь продолжается в мистическом смысле» даже по завершении земного пути. Со дня рождения «мистической связью» был связан с Грузией – исторической прародиной: закономерность, единившая с ней, «не реалистическая, а мистическая». И в России к абсолютной власти мистически вела всё та же «неуклонность Рока».

Мистика, однако, мистикой, но поскольку в русской исторической традиции «Отечество – это понятие почти мистическое», то и она по-своему исторична. Этим вызвана пестрота параллелей и аналогий с великими и не очень великими предшественниками. Плотно укореняя своего героя в отечественной истории, эрудированные соавторы как из бездонного рога избылилия безразборно сыплют имя за именем. Ибо по поучительному и вдохновляющему образцу сначала киевской и московской великокняжеской, затем царской и императорской власти, которая «никогда не церемонилась с народом», Сталин тоже «между экономической выгодой и политическим властвованием» предпочитал «именно властвование, т.к. оно лучше всего обеспечивало централизацию скромных ресурсов».

Как московские князья ловко договаривались с ханами Золотой Орды, так и Сталин «до самого крайнего предела старался договориться с Гитлером». И не его вина, что «не получилось»...

Как Сергей Радонежский, чья «монастырская

06/2009

колонизация создала культурно-политическое и хозяйственное пространство Северной Руси», осваивал русский Север. «Построенные заключенными каналы, железные дороги, гидроэлектростанции, порты, заводы, рудники, шахты, нефтепромыслы можно сравнить с очередным этапом культурной колонизации». Так «русская многовековая “борьба с географией” отразилась в системе ГУЛАГа». Если не «брать во внимание моральную сторону вопроса», – спохватываются соавторы. Но кому, кроме них, такое под силу?..

Не бросать «обвинения в адрес Сталина» следует его нынешним хулителям, а почаще вспоминать «о практике великого собирателя русской земли Ивана III», который, покорив вольный Новгород, впервые применил «административную высылку как политическое средство контроля над территорией: из новгородских земель в московские были переселены остатки вольницы, а в обратном направлении – московские дворянские роды, верные царю московскому». Не таким ли опробованным, проторенным путем шел «великий и мудрый»?..

Особый сталинский пиетет вызывали Иван Грозный и Петр Великий. Это потому, что он оправданно «ощущал себя продолжателем их дела». И претворил его успешнее, чем они. «Разрушенная в феврале 1917 года ... Российская империя обратилась через Сталина к своим корням. И вырвавшийся из автохтонных глубин герой взял на себя мучительный подвиг выковывывания промышленной мощи древним кремлевским методом ... Москва, некогда бывшая Третьим Римом, с 1929 года становится его коммунистическим продолжением, несущим новый образ Царства Божия подопечным краям и областям, а Иосиф Сталин – наследником царей и императоров»...

Единственное, чего он добивался по вдохновенному образцу первого кумира, – «устранить старых “бояр” молодыми “дворянами”». Тем паче, что, «как средневековый монах, для которого признание имело сакральное значение», искренне верил покаянием «бояр», истязуемых в НКВД. Это, как и достославного предшественника, не спасло от злопыхателей. Их усилиями грозный царь, «несмотря на небольшое число пострадавших бояр» (?!), вошел в историю «как жестокий тиран. Хотя как раз в то время в монархиях Западной Европы было казнено на порядок больше простолудинов. Разница в статусе жертв: Иван IV казнил представителей элиты и за это был наказан».

Такая аберрация произошла и во взгляде на Сталина. Ему шьют миллионы, а он уничтожил всего лишь тысячи. Начиная с «узкого слоя революционного поколения, фрагмента разбитого петербургского ядра». Он поступал патриотически, а это «вызывало, несмотря на относительно малые (?) размеры репрессий, ощущение глобального ужаса, запечатленного во всей истории СССР. Это можно объяснить тем, что Сталин вел войну с культурным слоем, создавшим идеологию, отрицавшую ценность

национального государства, и опиравшимся на лево-радикальное видение мира». Но как быть с разором и разгромом деревни, с другими опустошительными репрессиями, как признано соавторами, «во всех слоях населения»? Снова никак: написано – забыто – с плеч долой...

Оставшись в истории «как мастер создавать различные коалиции и за счет новых сил побивать конкурентов», Сталин, подобно Ивану Грозному, «молился ... Абсолютному государству». И одновременно «стал Иваном Грозным и Петром Великим советского времени». В его безотказном утилитаризме – самобытное свойство природы! – «можно найти продолжение решительности и бесцеремонности Петра Великого, революционного миссионерства Нечаева (сдается, повествователи не считают его историческим позорищем русской радикальной интеллигенции, – В.О.) и гениального ленинского опыта быстро реагировать на смену ситуации». Особенно в экстремальных условиях, когда «промедление было смерти подобно» и на войне, как на войне, «моральные нормы в отношении врага – вещь очень условная».

Петр и Ленин «могли мирно уживаться» в его гибком, цепком (точнее – утилитарном, эклектичном) уме. «Когда требовалось, он брал то, что нужно, и повергал оппонентов». Так был творчески претворен еще допетровский опыт «старой колонизации» Соловков: на строительстве Беломорско-Балтийского канала «за неимением времени и должных средств стали использовать труд заключенных, ссыльных и спецпереселенцев. Еще это напоминало решение Петра Великого, пожаловавшего тульскому оружейнику Никите Демидову крепостных крестьян для переселения их на Урал и строительства там металлургических заводов. И чем, скажите, отличался Сталин от Петра? Оба всю использовали мощь государства»...

За могучими фигурами Ивана и Петра не забылся, не затерялся Алексей Михайлович, отечески спешествовавший торжеству идей «Иосифа Волоцкого о нравственном оправдании сильной монархии». Советский генсек твердо шел по следу, который протоприли «тишайший» и его идеолог...

Свои исторические аналогии имела бдительная опека советских писателей. Ею Сталин походил на Екатерину Великую и Николая I, «которые были озабочены всесторонним укреплением как собственной власти, так и культурного ядра империи». Не случайно, как только ослабили, а затем и вовсе отменили партийный контроль в литературе и искусстве, «именно ... не вписавшиеся в соцреализм творцы вместе с перебежчиками составили ударную группу разрушителей сталинской системы»...

К триединой формуле николаевского министра просвещения графа Уварова «Самодержавие. Православие. Народность» (у Рыбасов иной, перековерканный порядок слов) новаторски восходит сталинское требование «простоты и народности», которыми он поверял «язык культуры»...

«Наследником славной традиции» Петра Великого, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I предстал Сталин в «незнаменитой той войне» (А. Твардовский), которая побудила патриотически (и стратегически) вспомнить «все войны России за Финляндию»...

«Почти как Александр II после Крымской войны и отмены Парижского договора», он «испытал огромное удовлетворение» от того, что, «потеряв менее одной тысячи человек» (мелочовка, всего ничего!), «значительно укрепил положение страны». Благодаря «освободительному походу» на запад Белоруссии и Украины СССР «занял территории, которые утратил в результате советско-польской войны 1920 года»...

В сфере экономической «Сталин – оборотная сторона незавершенных преобразований Витте и Столыпина. Он воссоздал государство и сделал его сверхдержавой, опираясь на исторические традиции России»...

В сравнении с отечественной контекст мировой истории XX века не столь плотен и густ. В его разреженной атмосфере разве что Рузвельт сопоставим со Сталиным по масштабам деятельности, мысли и личности. Не будь американского президента, пребывать бы советскому вождю совсем уж в печальном (или гордом?) одиночестве. Но, слава Богу, их сблизило кое-что общее. В мировой практике они «первыми стали привлекать экспертов из научного мира». И оба обильно почерпнули в ней репрессивные приемы и методы. Так, советский вождь, прежде чем «обрушить свой священный гнев» (А. Твардовский) на неугодные народы, объявленные народами-предателями, глубоко проникся опытом американского президента, который после Перл-Харбора обрек японских иммигрантов на бесправие ссыльных. Обоих вдохновили французские и бельгийские власти, которые, оккупировав Рур, выслали 130 тысяч коренного немецкого населения. На приливной волне такого «экономического краха и социальных потрясений» всплыл Гитлер. Его заодно с Рузвельтом и Сталиным «порой одинаково называют националистами, а Рузвельта даже – американским шовинистом». Но что с того? «На упреки в шовинизме Рузвельт отвечал, что это помогает ему решать внутренние проблемы».

Такова первая «триада» XX века. Выстроена еще одна, также определившая его лицо: «Сталин, а за ним (но никак не рядом! – В.О.) Рузвельт и Мао Цзедун». В этой второй святой троице, как и в первой, «Сталин слишком тотален, велик и страшен для современной российской и мировой политики, чтобы его опыт мирно хранился в анналах, никого не тревожа ... Без практики Сталина не было бы и свершений Рузвельта, и побед Мао».

Заметим: британский премьер ни войти в эти, ни попасть в любые другие «тройки» не удостоился, даром что «обладал великим и оригинальным умом». Но «сталинская масштабность поражает воображение» и в сравнении с Черчиллем...

Не берусь гадать, как отнесся бы Рузвельт к связанному ему кумовству, но Сталина обе компании, судя по Рыбасам, вполне устраивали. Рузвельт же в обеих «тройках» остался единственным, на ком не лежат кровавые пятна, какими мечены знаковые диктаторские лики XX века – Гитлера, Сталина, Мао.

Впрочем, что там пятна – реки крови мало занимают соавторов сталинского жизнеописания, взявших за методологическое руководство исследовательское безразличие к человеческим страданиям, народным бедствиям, которые «никогда не были главным обстоятельством в оценках исторического процесса. Величие целей и духа – вот что всегда стояло на первом месте, начиная с античных времен». И продолжает стоять в нашем XXI веке. Поэтому, сбиваясь подчас на проговорочные признания Сталина «тираном, диктатором, что совершенно точно отражает природу его тоталитарной власти», они предпочитают толковать не об этом, а о «масштабе личности, размерах сделанного, о том, почему такой руководитель появился в России».

А появился он исторически как «строитель державы, равный Петру», и благодарная память о нем «связана с историей государства от князя Владимира Святого до Петра Великого, которые в жизни были далеко не ангелы и пролили много крови». Потому и смотреть на него пристало в их преемственном ряду «как на историческое явление, подобное Петру Великому, Наполеону, Кромвелю, Бисмарку или Мао Цзедуну»...

Под занавес еще одно антиисторическое уподобление: Сталин повторил трагическую судьбу Петра, «создавшего для управления империей интеллигенцию». Но, не получив в 1917 году от правящего класса (полюбопытствуем: какого?) «прав на участие в управлении страной», эта самая неблагоприятная интеллигенция в отместку предательски «обрушила имперский строй. Сталинская интеллигенция (ее дети и внуки) проделала это в 1991 году и осудила великую коммунистическую реформу, не осмыслив ее. А осудив без осмысления, Россия осудила и себя».

Не Сталин, таким образом, виноват перед Россией, а Россия перед Сталиным.

Аминь!..

¹ Так, буква в букву, причем дважды (с. 46, 211) и у Владимира Бондаренко в кн. «Трудно быть русским» (М., «Метагалактика», 2007). Выходит, иные авторы даже отсебятину патриотически списывают друг у друга?..

² Похоже, издателям из «Молодой гвардии» достало интуитивного ли чутья, конъюнктурного ли такта не включать книгу С. и Е. Рыбасов в привычную серию «Жизнь замечательных людей». Хотя, по всему судя, заглавного персонажа двухтомного повествования они наверняка почитают как человека замечательного.

³ «Полковник о генералиссимусе: праведное житие в антисемитском прищуре». В кн.: «Спор на рубеже веков. (История литературы, литературная критика: избранные статьи)». М., Независимое издательство «Пик», 2005. Сокращенный вариант этой статьи опубликован также в журнале Союза писателей Москвы «Кольцо А» (2003, № 25).

Ростислав Полчанинов

В.М. Байдалаков в Сараеве

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

Осенью 1937 г. из Белграда был переведен в Сараево председатель Союза (НТСНП) Виктор Михайлович Байдалаков. Я был единственным подписчиком союзной газеты «За Россию» и единственным членом Союза в Сараеве. Поэтому, естественно, что оказавшись в Сараеве, Байдалаков захотел со мной встретиться. При первой же встрече Байдалаков сказал мне, что, хоть его и перевели с повышением по службе из Белграда в Сараево, но он считает, что это было своего рода ссылкой, сделанной по требованию СССР и он был против перевода в Сараево. Был бы жив король Александр, сказал Байдалаков, ни о каком советском давлении не могло бы быть и речи, но после его убийства в Марселе в 1934 г., Югославия начала осторожно идти по пути сближения с СССР. Интересы СССР в Югославии представляла Чехословакия и наоборот. Следовательно, давление на Югославию по отношению к Союзу, надо полагать, было сделано через чехословацких дипломатов. В 1937 г. СССР имел уже основания считать Союз опасным противником, и, кроме ссылки Байдалакова в Сараево, СССР добился закрытия союзной газеты «За Россию», которая, впрочем, продолжила выходить, только под новым названием – «За новую Россию».

Мне было 18 лет и я чувствовал себя мальчишкой перед Виктором Михайловичем. Помню, как я вошел к нему в комнату, как он протянул мне руку, как я пожал ему руку, и как первое, что он мне сказал, было:

– Позвольте мне показать вам, как надо здороваться за руку.

Помню, что я растерялся и ничего не сказал, а он, не дожидаясь ответа, сразу начал меня учить:

– Когда старший протянет вам руку, смотрите сперва на руку, затем слегка сожмите ее и посмотрите прямо в глаза тому с кем здороваетесь, а потом слегка опустите руку вниз. Давайте поздороваемся еще раз. И мы снова поздоровались, но уже по всем правилам.

После этого, Виктор Михайлович предложил мне сесть и сразу же перешел к делу. Он объяснил мне, что в Сараеве он не намерен бездействовать. Он попросил меня рассказать, какие имеются в Сараеве русские организации и какие люди стоят во главе этих организаций.

Байдалаков слушал меня очень внимательно, и когда я закончил, спросил меня, отмечалось ли ранее в Сараеве 7 ноября как День Непримируемости, и как русские в Сараеве отметили в 1927 г. десятилетие захвата большевиками власти.

Я ответил, что хоть мне и было тогда всего 8 лет, я хорошо помню, что в 1927 г. в Сараеве отмечалось 50-летие Балканской войны. По этому случаю в ка-

детском корпусе было устроено юбилейное собрание, на которое меня родители взяли с собой, чтобы не оставлять одного дома, и, что мне на этом собрании было изрядно скучно. Насчет Дней Непримируемости я мог с уверенностью сказать, что ничего подобного в Сараеве ни разу не отмечалось.

– Так вот мы его тогда и отметим, благо в этом году круглая дата – 20-летие захвата большевиками власти над Россией.

Виктор Михайлович рассказал мне, как в 1927 г. митрополит Антоний призвал русскую эмиграцию отметить 7 ноября как День Непримируемости, как эмиграция тогда не откликнулась на призыв своего первоиерарха, и как Союз поставил себе целью провести в жизнь предложение митрополита Антония.

– Это очень важно, сказал Виктор Михайлович. С одной стороны, нам надо как-то объединить национальнорусскую эмиграцию, с другой стороны, нам надо как-то напомнить эмиграции, которая начала страдать «ожирением совести», о ее долге перед Россией и русским народом.

Байдалаков, с присущей ему энергией, посетил всех намеченных возглавителей организаций, начиная с генерала Н.В. Запольского, который был одновременно и председателем русской колонии в Сараеве и начальником местного отделения РОВС, и кончая председателем отделения Союза русских инвалидов Буяченко, который принял особенно близко к сердцу предложение Виктора Михайловича и оказал ему исключительную помощь в деле подготовки Дня Непримируемости.

Устроители согласились, что основной доклад прочитает Виктор Михайлович, а что каждой организации будет затем предоставлено короткое, но одинаковое для всех время, для приветствия собравшихся. Одним из выступавших должен был бы быть и я, и это, конечно, меня несколько смутило.

Какой-то опыт выступления на собрании у меня уже был. В январе этого же 1937 года я выступал на собрании, на котором я объявил об основании в Загребе отряда скаутов-разведчиков и на котором было освящение отрядного знамени, но это было короткое слово и я его легко выучил наизусть. На этот же раз мне предстояло говорить значительно дольше, столько же, сколько будут говорить взрослые, привычные к подобным выступлениям. Виктор Михайлович не только составил мне текст выступления, но и научил меня как с выражением сказать выученное на память приветствие.

Хоть Виктор Михайлович и был очень занят встречами с общественными деятелями, он все же находил время и для занятия со мной, как он говорил, «курсом умения говорить». Я уже знал, что ес-

ли ошибусь, то не должен поправляться, а должен импровизировать и продолжать говорить дальше, и что должен все время обводить взглядом слушающих, но я не умел говорить выразительно, и Виктор Михайлович учил меня какие слова надо выделить, и где и когда поднимать и опускать голос.

Говорили мы и на другие темы. Однажды Виктор Михайлович задал мне такой вопрос:

– Не понимаю, сказал он, как вы (он имел в виду сараевских разведческих руководителей Мартино, Пелища, Мулича и меня) можете с таким почтением относиться к этому, как он выразился «земгусару» Агапову?

Я, конечно, переспросил, кто такие «земгусары», на что Виктор Михайлович ответил, что в Союзе так называют «земгоровцев» – сторонников Объединения земских и городских деятелей, одной из левых организаций Зарубежья, к которой принадлежал Агапов.

Вообще надо сказать, что Байдалаков не жаловал левых, назвав одного из них либералом, и далее, показавки, и не очень цензурно. Другого он назвал «интеллигентом в галошах и с зонтиком». Байдалаков был офицером, а в офицерской среде так называли левую интеллигенцию, для которой было еще одно оскорбительное название – «шпак», т.е. – штатский. Дело в том, что военные не имели права носить ни галоши, ни зонтики, и эти две вещи, как бы являлись символами штатских людей.

Байдалаков считал, что из-за Агапова, который был начальником Югославского отдела НОРС-Р, у многих родителей скаутизм-разведчество не пользовалось симпатией. Я, конечно, защищал Агапова, который в моих глазах был русским патриотом, панславистом и одним из главных сторонников национального течения в скаутизме-разведчестве. Он был не только против индейщины, но и против созданной Баден-Пауэллом программы для руководящих курсов в Гилвелле (Англия). Агапов создал свою, русско-югославянскую программу для руководящих курсов, лозунгом которых стали слова из стихотворения Бальмонта «Будем как солнце!».

Кадетский корпус покинул Сараево 1 сентября 1929 г. и до этого все собрания устраивались в зале корпуса. После отъезда корпуса, в Сараеве вскоре была создана Югославянско-русская лига. В помещении лиги в 1937 г. русская общественность отметила 100-летие со дня смерти Пушкина, и там же в воскресенье 7 ноября был устроен и День Непримирности. Собралось более ста человек, как говорилось – всё русское Сараево, хотя в Сараеве проживало более 600 русских.

Выступление Байдалакова вызвало среди сараевцев интерес к Союзу и был создан Комитет содействия. В 1938 г., после того как новый устав упразднил возрастное ограничение, из Комитета содействия было создано отделение Союза. Под руководством Виктора Михайловича начались собрания, два раза в месяц на квартире гвардейского офицера Доне в части города, называемой Бистрик. Самым младшим был Жорж Богатырев (15

лет). Из молодых, хоть и намного старше меня, были Леня Буйневич с женой Шурой, а другим, в том числе и председателю отделения Союза инвалидов Буяченко, было за пятьдесят.

В программу входило прохождение курса НПП – Национально-политической подготовки и курс умения говорить. Пока Виктор Михайлович был в Сараеве, то он был председателем отделения, а после его возвращения в Белград в конце 1938 или начале 1939 председателем был избран Доне. Мы все приобрели учебники, названные благодаря зеленой обложке – «Зелеными романами» и по ним занимались. По ним мы и сдавали экзамены. Членами Союза считались только сдавшие экзамены по НПП. Проходили мы и историю ВКП(б).

На курсах умения говорить мы читали с выражением прозу и стихи русских классиков и говорили «пятиминутки». «Пятиминутками» назывались короткие, зажигательные обращения к советским гражданам с призывами свергнуть советскую власть.

Однажды Виктор Михайлович посвятил все время собрания умению хранить тайну. Он говорил о том, что у хранящего тайну это не смеет быть написано на лбу. Наоборот, тайну надо скрывать беззаботным видом, рассказом анекдотов и т.п. Нам говорили, что если «союзник» (член Союза), что-то скрывает, то его нельзя расспрашивать и просить сказать что-то по секрету, что можно сказать кому-то только столько, сколько ему надо знать и только тому, кому это надо знать. Боже мой, как это все потом пригодилось в годы войны, когда мы оказались под немецкой оккупацией или в Германии на работах!

Быт в Советском Союзе мы изучали по материалам Солоневичей и по анекдотам из «Крокодила», конечно, с соответствующими пояснениями. Да, живя в свободном мире, трудно было представить себе советскую жизнь с ее коммуналками, отсутствием частной торговли, доношением, соцсоревнованиями и прочими прелестями социализма.

В Югославии советские газеты и журналы, включая «Крокодил», были запрещены, но Виктор Михайлович получал их какими-то таинственными путями и показывал нам на собраниях. Думаю, что ни «Правда», ни «Известия» не имели в СССР таких внимательных читателей, какими были мы, члены Союза. К тому же, это были «запретные плоды», что, конечно, увеличивало интерес. Мало того, что хотелось все прочесть, хотелось еще и в руках подержать.

У Союза было немало друзей, покупавших союзную газету и поддерживавших союзные начинания. Среди них были генерал Н.В. Запольский и капитан 1-го ранга Борис Иванович Мартино. Оба были арестованы в 1945 г., и оба скончались по дороге в СССР из-за нечеловеческих условий транспорта. Арестованы были и все члены Союза, по тем или иным причинам не покинувшие Сараево с отступавшими немцами в 1944 г. Председатель отделения Доне, получивший 15 лет, выжил, но вскоре скончался в лагере для зеков-инвалидов в Потье.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ И КУБАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

ПРИХОД СВЯТО – НИКОЛЬСКОГО ХРАМА

353710 КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, КАНЕВСКОЙ РАЙОН, ст. НОВОДЕРЕВЯНКОВСКАЯ

ул. СПОРТИВНАЯ, 28 тел (факс) 8 (861-64) 4-60-07

PRINODSNHRAMA@RAMBLER.RU

№ 167 от 03.03.2009 г.

Дорогие братья и сестры!

На Родине известного историка Кубанского Казачьего Войска и учёного Фёдора Андреевича Щербины на добровольные пожертвования ведутся работы по **восстановлению Свято-Никольского храма**.

Сегодня приход храма почтительно просит Вас оказать помощь в приобретении кирпича или цемента, в любом удобном для Вас виде – перечислением средств на указанный ниже счёт или оплатой выставленных счетов за приобретаемые материалы.

В своё время наши благочестивые предки считали за честь, если им в жизни довелось участвовать в строительстве храма. Святитель Димитрий Ростовский говорит: **«Постройте дом Богу на земле – и Господь построит вам жилище на небе!»**

Сейчас мы живём в такое время, когда нужно особенно горячо молить Бога о помощи в том, что мы не в силах предотвратить или изменить. И свою веру, соединённую с молитвой, надо стараться подтверждать делами, без которых она мертва. Даже если кому-то сейчас кажется, что ему не очень сегодня нужен храм – помочь в его строительстве необходимо ради будущего, ради наших детей, внуков и правнуков!

За Вашу отзывчивость Приход будет молить Бога о даровании крепкого здоровья, благоденствия в мире и помощи Божией во всех Ваших добрых делах.

Да благословит Господь Вас и всех близких Вашему сердцу!

Будем рады, если Вы найдёте время посетить строительство нашего храма.

Наши контактные телефоны – 8 (861-64) 4-60-07; 8 -928 -431-38-88

**Настоятель Свято-Никольского храма
священник Сергей Ядрушкин**

Пожертвования на восстановление храма просим перечислять на счёт –
с целевым указанием: **“на восстановление храма”**:

Местная Православная религиозная организация – Приход Свято-Никольского храма станицы Новодеревянковской Каневского района,

ИНН 2334008203, КПП 233401001, ОГРН 1032335028692 ;

р/с 40703810530340100980 в Каневском ОСБ № 1865

Юго-Западного банка СБ РФ, к/с 3010181060000000602 ;

ИНН 7707083893, КПП 233402001, ОГРН 1027700132195, БИК 046015602

Будем рады любой, даже кажущейся Вам самым малой, помощи !

Ростислав Полчанинов

«... рожденная несправедливостью»*

Дорогая редакция!

Мне прислали статью С. Лыбы «Невозвращенцы» с подзаголовком «Эмиграция, рожденная несправедливостью, и ее букинистические редкости», напечатанную в рижском журнале «Класс» 2008 г. номер 7. Среди девяти иллюстраций есть и «Посев» с пояснением – «Газета лагеря ДР Менхегоф “Посев”». Пояснение не совсем точное, так как на снимке не менхегофский «Посев», а спецвыпуск, как мне удалось установить, 1973 г. номер 8. Напечатанное про «Посев» и НТС приводится с сокращениями.

Говоря о «Посеве», автор начал с того, что «еще во время войны на невозвращенцев обратила внимание Организация Объединенных Наций. Срочно был создан специальный отдел ООН – Администрация помощи и восстановления (United Nations Relief and Rehabilitation administration, UNRRA). <...> За лето 1945 года печатники Менхегофа размножили найденные в лагере военнопленных книги, затем выдали первоклассникам лагерной гимназии «Букварь», «Первую книгу после букваря», «Учебник русского языка», «Русскую историю» ... Отвечая на читательский спрос, лагерная типография, один за другим отпечатала 14 (!) сборников анекдотов, а 11 ноября 1945 года – 200 экземпляров межлагерной газеты «Посев». Через 15 номеров тираж «Посева» поднялся до 1000 экземпляров, а затем до нескольких тысяч...».

Далее следует подзаголовок «Под зорким оком

Смерша и КГБ» автор снова возвращается к менхегофской теме и пишет: «Иногда раздраженные какой-либо активизацией в стане дипийцев чекисты предпринимали “спецоперацию”. Так, в какой-то момент офицеры военной контрразведки Смерш ворвались на джипе в лагерь Менхегоф, попытались под видом ареста “военного преступника” силой увезти руководителя лагерной администрации К. Болдырева. К счастью для него, неподалеку оказался пост американских солдат. Американцы защищали затворами. Чекистам пришлось Болдырева отпустить. Несколько позже <...> они взорвали во дворе издательства “Посев” мощный фугас. 13 апреля 1954 года агенты КГБ заманили председателя Берлинского комитета помощи беженцам Александра Трушновича на квартиру своего агента Глезке и убили его. Кроме того, чекистам удалось похитить активиста НТС В. Тремеля, Ильзу Николаи, Хельгу Хайн, Петра Пюшеля».

Мне кажется, что нельзя не приветствовать появление подобных статей, даже несмотря на ряд допущенных неточностей. Интересно, какие исторические неточности Вы считаете нужно исправить, а на какие можно не обращать внимания?

Мне кажется, что чтобы не было неточностей, в «Посеве» надо открыть постоянный отдел «НТС вчера и сегодня».

Подписчик «Посева» с первого менхегофского номера.

Елена Беккер

«Показуха»

Здравствуйте дорогая редакция! Уже не одно десятилетие я живу во Фрайбурге в Германии и время от времени имею удовольствие знакомиться с материалами Вашего журнала. Долгое время именно он был одним из основных источников информации о том, что происходит в России, которую, ещё СССР, мы с мужем вынуждены были покинуть, так как отсутствие свобод и демократии не оставляли шансов на нормальную, человеческую жизнь. Но прогресс идёт вперёд, теперь стало возможно смотреть российское телевидение по спутниковым каналам, и совсем, практически задаром, звонить в Россию, часами говоря с теми друзьями, которые остались там. И на наши, и, разумеется, на их головы обрушивается такой поток «информации», что

терпение копилось, копилось и вот вырывается наружу. Заранее извиняюсь, если у кого-то другие оценки, но это мой взгляд.

О том, что в мире кризис у нас знают все, но из передач российских каналов я узнаю всё время, что кризис у нас в Европе, в США, а у них вроде всё в порядке, но статистика говорит об обратном. Каждый день новостные информационные выпуски показывают то Медведева, то Путина, встречающихся со своими чиновниками, дающих указания, распоряжающихся, но смысл один, кризис – это западная зараза, они, ни в чём не виноваты. Всё делали и делают только правильно. Возможно, россиянам виднее, но, сравнивая с позициями руководителей и нашей Германии, и других стран мира слышишь совсем другие ноты. Кризис наша общая беда и мы виноваты все, а руководители даже в первую оче-

*Заголовок редакции

06/2009

редь. Память подсказывает, Россия живёт по своим законам, но, сколько можно так жить?

На 9 мая, нам показали грандиозное шоу, очередной военный парад. Ещё более могущественный, ещё более роскошный – не смотря на кризис! На это денег в бюджете нашлось, а на действительно достойную пенсию людям, пережившим войну – нет, ну хотя бы нашу, немецкую, минимальную в почти 400 евро. Из моих ровесников оставшихся в России никто не получает, а ведь все и работали и воевали, честно отдавая всё Родине. Мне кажется, хватит говорить о том, что это последствия страшной войны. И для Германии, и для Польши, и тем более для Белоруссии это была страшная война. Просто о стариках там заботятся, а не «показухой» занимаются. Уверена, если бы парад по дешевле, а ветеранам по надбавке – для людей, для граждан пользы было бы больше.

Разумеется, не могла не смотреть грандиозное шоу «Евровидение». Поздравляю норвежского паренька, молодец, и конечно приятно, что он из Беларуси. Простите, я не специалист, но несколько вопросов у меня родилось. Известный российский ведущий и прекрасный певец Филипп Киркоров во время голосования всё время называл Рыбака – нашим российским – это, извините с какого бодуна? И других, ему симпатичных певцов он всё время именовал – братьями, иногда даже близкими братьями, причём в этот список угодили страны и народы ну никак братскими никогда не являвшиеся для России, если, разумеется, не исповедовать доктрину – что все люди братья! Мне такое навязчивое братство показалось притворным и очень резало слух. И ещё, опять о деньгах, но не только. Смета «концертов» рекордная, в несколько раз перекры-

вающая все предыдущие, а на что? На лучший, гениальный цирк «Де Солей» – он из Канады, на плавающих, великолепных циркачей в аквариумах под куполом – они из Аргентины, на старт голосования из Космоса – японским космонавтом – простите, а какое всё это имеет отношение к Европе? Ведь так и конкурсантов можно было вывозить на сцену на индийских слонах, специально привезённых – нет, простите, это «ПОКАЗУХА»! Ни по времени, ни по месту, ни по смыслу – не нужная стране и народу находящемуся в не лучшем экономическом состоянии.

И последнее, новый сериал «Охота на Берия». Думаю, Вам, часто обращающимся на своих страницах к истории и культуре, в том числе и к неизвестным страницам стоит обратить особое внимание на этот «пропагандистский шедевр из былого времени». Сценарий возрождает, всю ту несурзацу, которую лила советская пропаганда. Мы, жившие в центре Москвы, в двух шагах от особняка Лаврентия Павловича многое помним и видели своими глазами. Разумеется, Берия был человеком страшным, но не в нём дело, а в системе. Мы тогда – это поняли. Этот фильм пропаганда того, что чекисты, кgbисты – хорошие, и только бериевцы – исчадь ада. А как быть с дзержинцами, ягодовцами, ежовцами, да, наконец, с андроповцами и всеми этими смершевцами – с хорошими? Не мало ли натерпелась от них Россия и люди? Может быть хватит? Впрочем, титр в начале всё объясняет – отличная продюсерская компания «Федеральная служба охраны Российской Федерации». Кино люблю, смотрела его много, но титров производителя ни «ЦРУ», ни «ФБР» или чего-то подобного не встречала. Вот такая «Показуха» в эпоху кризиса.

Наталья Носкова

Север Урала – это могила, братская, для раскулаченного крестьянства

Уважаемая редакция, авторы статей в журнале «Посев». Спасибо за журнал, № 12 за 2008 год. Статьи Кирилла Александрова, живущего в Петербурге, но как написано: «Коллективизация и Голодомор 1932–1933 гг. Причины, механизм и последствия». Все статьи его глубоко, верно, правдиво». Но эта, первая такая смелая, документальная, убедительная – это государственное преступление, террор против народа. Горько, что теперь Сталин и Ленин – выразители Духа России, «Имя Россия». В 1930 г. Сталин, выполняя план Ленина, определил задачу: «Кулачество обречено и будет уничтожено».

Все силы государства были брошены согласно лозунгов «Уничтожим кулачество как класс» на разгром крестьянства. Местное население бросило все свои дела и заботы – ворваться в дом кулаков, ограбить, выбросить на мороз.

Я знаю, как это было, но говорить об этом нельзя, государство не велело, оно и теперь не велит, не было этого, не было репрессий, Сталин и Ленин – великие менеджеры, гении. Об этом кричат на Радио России, об этом – телевидение, коммунисты и их потомки говорят: «Наше дело правое». Мне исполнилось 6 лет, когда нас выгнали в феврале 1930 г. из дома, на улицу, мать нашего отца, бабушку, раздели, отняв валенки, кто-то столкнул с крыльца, она вскоре умерла. Ребёнка, Фросю, выбросили из люльки, искали шаль, на холодную лав-

* Наталья Кирилловна Носкова 1923 года рождения. Живёт в Кургане.

ку, маму не пускали к ней, Фрося вскоре умерла. Отец, участник 1-й Мировой войны, сидел в подвале Челябинской тюрьмы, там расстреливали.

Из деревни Пангронное, Кетовского района, Уральской области нас повели на ссылку, на станцию Курган, 27 км. шли за подводой. Неделю под открытым небом сидели на вокзальной площади.

Отец матери, священник, расстрелян в Кемеровской ссылке, муж двоюродной сестры расстрелян

в Челябинске, погибли братья матери, всего 18 человек.

На войне погибли ещё трое двоюродных братьев, я доживаю одна, я выжила, но больна, инвалид, много было оскорблений: «выродок», «недобиток», «отродье» и т.д.

Спасибо за статью, но Путин не признает нашей беды, мы, зауральцы, видим, как обнищали деревни. Но кому это нужно?

Георгий Вербицкий

Главному редактору газеты «Аргументы и факты» г-ну Николаю Зяткову.

Уважаемый г-н Зятков!

Шлю Вам мои замечания по поводу двух статей в № 20 (13–19 май) Вашей газеты. Пожалуйста напечатайте мои замечания, чтобы темы, затронутые авторами, были полностью разработаны.

Точка зрения

Я полностью согласен с выводами историка Ю. Бондаренко: советские имена улиц, городов, областей необходимо заменить именами наших достойных предков и событий. Советские имена связаны с людьми которые систематически уничтожали лучших представителей народов России, от крестьян до ученых. Товарищ Харитонов считает, что имена Ленина и Дзержинского и их соратников «стали для многих святыми». Оставим «соратников» в покое и коротко перечислим злодеяния двух «святых» Харитонова.

Ленин

Сегодня общеизвестно, что Ленин был на службе у немцев, основываясь на рассекреченных документах немецкого Генштаба Первой мировой войны. Документы были рассекречены, когда архив попал в руки Западных союзников по окончании Второй мировой войны. Немецкий Генштаб правильно решил, что для победы Германии надо ослабить и по возможности полностью вывести Россию с поля боя. На это были потрачены большие суммы денег; часть денег пошла на содержание Ленина и его напарника Троцкого за границей. Ленина и его свору немцы везли не в запломбированном вагоне – на станциях можно было свободно выйти. Одно из ранних преступлений Ленина является декрет от 15 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ», т.е. создаются первые концлагеря. Единственное, что мотивировало Ленина, это власть любой ценой. Несмотря на расчленение России, 3 марта 1918 г. подписывается Брест-Литов-

ский мир с Германией, вошедший в историю как «похабный», только для сохранения власти. Легко познакомиться более подробно с преступлениями Ленина, прочитав двухтомник Д. Волкогонова «Ленин». Ленин узаконил систематический «классовый» террор, а не борьбу с индивидуальными преступниками. В этом заключается основная разница между правлением странной до и после захвата власти большевиками в 1917 г.

Дзержинский

Ф.Э. Дзержинский был врагом исторической России и осуществил свои преступные желания, будучи главой могущественной террористической организации – ВЧК–ГПУ. Под его непосредственным руководством в 1918–1922 гг. было уничтожено 1,7–2 млн. человек. Велась борьба не с опознанными преступниками, а шло истребление «враждебных классов» – лучших представителей нашего народа. По телевизионному каналу НТВ-Америка каждое воскресенье передается программа «Кремлевски похороны». Мало кто из так называемых «мудрых вождей» партии и страны умер своей смертью. Борьба за власть, интриги, полная беспринципность характеризовали представителей советской власти. Проблем с нежелательным и опасным противником разрешалась просто: нет человека, нет проблемы и «враг народа» живым не оставался. Унизительно, что именами таких проходивцев все еще названы улицы города и области. Более подробные биографии поработителей России собраны в книге «Черная книга имен, которым не место на карте России», Посев, Москва, 2005.

Генерал А. А. Власов

За короткое время в газете напечатано две статьи, которые якобы беспристрастно, основываясь на архивных документах, показывают, что собой представлял ген. Власов. Какая только грязь не льется на этого человека! И предатель, и бабник и что угодно... Надо только вспомнить, сколько грязи в свое время лилось на А.И. Солженицына. И всё по документам, показаниям очевидцев. Скажем чест-

* Мои замечания, которые я послал по факсу в газету «Аргументы и факты». Сомневаюсь, что мои замечания будут там напечатаны. Так, или иначе, «Посев» может напечатать. Думаю, что надо отвечать на ложь правдой. – Г.Г. Вербицкий.

06/2009

но: выведенного яйца такие данные и показания не стоят. Знаю это по собственному опыту. Моего отца в мае 1945 г. англичане насильственно выдали советчикам. Он провел 10 лет в концлагере и на поселении. Мне удалось достать его дело. В деле есть любопытный документ, «Справка-характеристика», выданная в 1952 г. властями по его месту рождения, г. Борзна, УССР. В документе сказано, что мой отец «... уроженец гор. Борзны Черниговской области в семье священника, до войны работал следователем. В период оккупации проживал в гор. Борзна. Отец его имел 3 усадьбы и 200 г. земли». Единственно, что соответствует действительности это место рождения. Все остальное ложь. Мой дедушка был сельским священником и ни усадеб, ни земель не имел. Мой отец покинул родину с ген. Врангелем и до и во время войны мы жили в Югославии, затем в Германии, что видно и из других документов дела. На мой вопрос, почему такая явно лживая справка была подстегнута к делу моего отца, последовал ответ: «Следователь хранит документы по своему усмотрению: может, кое-что и пригодится».

Вопрос, который нужно задать и на который надо правильно ответить, следующий: почему, по каким причинам возникло антисоветское военное движение, созданное россиянами на стороне противника? За все столетия своего существования российская армия не знала массовой сдачи в плен и затем попытки этих пленных освободить родину от существующей власти. Ответ следующий: советская власть с первого до последнего дня своего существования была незаконной, антинародной и преступной. Воевать за такую власть наш народ не захотел. Народ помнил продрозверстку, гонения на Церковь, всё нарастающий террор над мирным населением, голодомор, чистки и расстрелы тридцатых годов. Еще были живы люди, которые помнили, что «немец» наводит порядок, что в немецком плену обращение было гуманным, не зная, что «немец» Первой мировой войны не «немец» Второй. Тем более что совсем недавно, в августе 1939 г. был подписан договор Молотов-Риббентроп, и нацистская Германия стала добрым другом СССР. До этого Третий Рейх был злейшим врагом пролетариата, уверяло радио и газеты своих граждан. Кому и во что же верить?

По данным Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации потери пленными за всю Вторую мировую войну составили 4 млн. 59 тыс. человек. Почти 2 млн. красноармейцев сдались, попали в плен летом 1941 г., что составило 49 % всех потерь. Поражения весной-летом 1942 г. привели к пленению 1 млн. 339. тыс. военнослужащих (33 %).

Советская власть прекрасно понимала, что надеяться на лояльность своих граждан не приходится. Уже 16 августа 1941 г. Ставка Верховного Главного Командования Красной Армии издает приказ №

270, в котором после «лирического» вступления о защите родины сказано: «... командиров и политработников ... сдавшихся в плен врагу, считать злыми дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров <...> если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать его в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Впервые в русской армии был издан такой бесчеловечный, ни с чем несравнимый приказ.

Дикая, запланированная жестокость нацистов, основанной на идее «высшей расы» по отношению к пленным и местному населению в оккупированных областях заставила красноармейцев воевать так, как россияне всегда воевали: без страха, самоотверженно. Число военнопленных резко падает: в 1943 г. составляет 487 тыс. человек (12 %), 203 тыс. (5 %) в 1944 г. и 40.6 тыс. (1 %) в 1945 г. По сравнению, за всю Первую Мировую войну в немецкий плен попало не более 1,5 млн. россиян.

Понимая, что злейшим врагом всего русского была советская власть, зародилась попытка освободить родину от «красной чумы», как выразился один из офицеров Русской Освободительной Армии – РОА. Надо также понимать, что в тяжелейших условиях тех времен, когда любое выражение русской национальной идеи каралось нацистами самыми суровыми способами, нашлись люди, которые встали с колен, на которые их поставил Сталин. Встали и попытались освободить родину и из истории этот подвиг уже не вычеркнешь!

Пособником Гитлера ген. Власов не был. Познакомившись с Манифестом Комитета Освобождения Народов России – КОНР, обнародованного в Праге 14 ноября 1944 г., становится ясным, что Власовское движение было общерусским. В РОА было мало офицеров первой, белой эмиграции. Считалось, что военный опыт Первой мировой и гражданской войн устарел и нужны офицеры с современным опытом; офицерский корпус был почти полностью укомплектован военными служившими до того в Красной Армии. Недостатка добровольцев вступить в РОА не было.

Др. Е. Тауберт из нацистского Восточного Министерства пропаганды Розенберга так охарактеризовал власовцев: «Власовское движение не национал-социалистическое... Власовское движение покрыто тонким слоем либеральных и большевистских идеологий. Также важно, что оно не борется против евреев и, по сути дела, не признает, что существует еврейский вопрос».

В последние дни войны у ген. Власова была возможность улететь в Испанию; был летчик, был самолет ВВС РОА. Ген. Власов принял решение остаться со своими бойцами и принял мученическую смерть от рук заплочных дел мастеров Лубянки.